

Николай Ольков

Собрание сочинений

3 том

Николай Ольков

Собрание сочинений. 3 том

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30476472

ISBN 9785449050410

Аннотация

В третий том собрания сочинений входят романы «Птица, залетевшая в окно», «Дурдом», повести «Сказывания Ферапонта Андомина» и «Чистая вода».

Содержание

Птица, залетевшая в окно	5
Повесть	5
1	6
2	13
3	34
4	42
5	46
6	55
7	59
8	67
9	73
10	78
11	88
12	92
13	103
14	108
15	112
16	121
18	141
Ферапонта Андомина сказыванья	157
Писаны внуком его Матвеем	157
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Собрание сочинений

3 том

Николай Ольков

© Николай Ольков, 2018

ISBN 978-5-4490-5041-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Птица, залетевшая в окно

Повесть

1

– Сказывают, Кириченко помер?

– Хватилась! Ишо вчерась. Паралик его разбил. Как увезли в район, так и помер.

– Отпил, прости Господи!

– Да, уж попил! Замены таперича в деревне ему нетука.

– И что ты ни говаривала? А евоные сынки подрастают?

В школе две цифры в одну скласть не умеют, а бражку делают. Я не видала, кума Анна сказывала.

Бабы сидели на старом, источенном жуками бревне, которое осталось от строительства избы и называлось, кто как умел: то скамеёчкой, то завалинкой. «Пошли, посидим на завалинке». На зиму в деревне первые венцы избы или домика окапывали землёй, заваливали, оттуль и завалинка, весной землю отгребали, чтобы бревна не прели. Никто никогда на завалинке не сидел, а вот возьми ты за рупь двадцать – прижилось, и всякому понятно.

Собирались, когда управляли скотину, с кем-то из молодых отправляли молоко на молоканку, ужинали картошкой в мундирах, сваренной прямо на ограде на таганке. Обруч о трёх ногах ставили посреди ограды, чтобы не дай Бог что не вспыхнул сарай или пригон, под него сухой щепы либо прутиков сухих, специально нарубленных, дрова на такую мелочь изводить считалось глупостью. В обруч ставили чу-

гунок с картошкой, на сухом огне вода вскипала быстро, время от времени ножом протыкали картошку и определяли готовность. Картошка сибирская во все времена была скусной, мундир на ней лопался, крахмал так и пёр, выворачивался на обе стороны. Картоху хозяйка вываливала на чистую доску прямо посреди стола, тут же блюдо с огурцом, горсть пера лукового, капуста кислая из прошлых припасов. На ужин хлеб не полагался, а вот маленьким, если есть в семье, по кружке молока наливали.

– Киричонка-то резать будут или так отдадут?

– А чего у него резать? Руку с войны не принёс, да и так худой да грязной.

Грузная Дарья Поликарповна хохотнула:

– Девки, теперича дело прошло, а я ведь перед войной с Ванькой-то погуливала. Правда, мелковат он был росточком, но не скажи, кума, лишнего, не гневи Бога: как мужик был исправной, я в колхозной бригаде всех мужиков на ощупь знала, а Ваньку на отличку помнила.

– Знаю, знаю, – с улыбочкой пропела слепая Галя.

– А пошто взамуж за ним не пошла? – спросила Евдокия, вычерчивая своим костыльком крестики на песке.

– Да теперь уж и не помню, то ли жила с кем, то ли он не позвал.

Подошла Парасковья Михайловна, старуха крепкая, из большой семьи соседнего уезда в деревню замуж вышла, вот и спаслась, а родных всех отправили на Север.

– Сын мой из конторы пришёл, сказывал, что кто-то был в районе и Ваньку видал.

– Живого?

– Откуда живого, если он ещё вчера помер? Говорит, чёрный весь, и лицо, и руки.

– Знамо дело! – Федора Касьяниха подняла голову и окинула компанию суровым взглядом. – Ты тоже брякнула: паралик! Паралик – он в голове от большого ума образуется, а Ванька-то тутака причём? Он же с вина сгорел. И спору нет. Вино в нем спирт копило-копило, вот и вспыхнул, сгорел, и внутри у Ваньки теперь ничешеньки нет, так изо рта дымок и пошёл.

Парасковья Михайловна аж привстала при всей своей полноте:

– Ну, у тебя ни стыда, ни совести, судишь, как будто видала.

– Сужу, оттого что знаю, – проворчала Касьяниха. – Хошь знать, Иван сам говорил, что уж раза по три в окошко какая-то чёрная птица залетала, а то на раму сядет и стучит. К покойнику это. И не спорьте. Старики примечали. Вот и случилось.

Матрена Кулебякина перекрестилась:

– Врёшь ты все. А вот сказано в писанье, что придёт Господь и поднимет мёртвых. И чего? Ванька встанет, а нутра нет. И как жить?

Все промолчали. На ночь глядя, о страшном говорить опа-

сались.

Поликарп Евдинович сидел у приоткрытой створки и весь разговор слышал, только себя не обнаруживал. К его домишку на завалинку и собирались по приглашению Кристины Васильевны, она заманивала гостей то семечками, то первыми огурцами, то стряпней, на которую была большая мастерица. Крестинью Васильевну схоронили, а первой же весной, как только чуть стало пригревать, потянулись старухи на знакомое место. Прасковья Михайловна, которая доводилась сватьей, как-то стукнула в створку:

– Сват, мы тут посидим, тебя не потревожим? Привадила нас Васильевна, царства ей небесного!

– Сидите. Стряпни не имею, а вот семечками могу угостить.

Так и повелось.

Поликарп вздохнул: тяжело ему без Васильевны, считай, полвека прожили душа в душу, деток Бог дал, друг за другом ухаживали. Поликарп плотник был славный, ни одна работа без него не обходилась. И вот как-то после обеда, перекусив, что было в узелках, заговорили мужики о бабах. Да не о своих, а кто где на стороне какие номера откалывал. И выпала очередь сказывать Поликарпу Евдиновичу. Он помолчал, докурил самокрутку, вдавил окурочок в жирную глину и сказал:

– Я, ребята, иных женщин, кроме Крестины, не знаю и знать не желаю. Вот такой мой сказ.

Мишка Плешин, блудливый мужичишка, он и начал тот разговор, ужом взвился:

– Врёшь ты, дядя Поликарп, проще сказать – вводишь коллектив в заблуждение. Мы в своих грехах признались для общей пользы и радости, а ты в сторонке решил остаться? Чистеньким хочешь быть? Не получится!

Поликарп спокойно ответил:

– Сядь, Михаил, я все слышал, и про заслуги твои с сомнением, только отвечаю, как и должно быть: святая правда, что не изменял я жене своей, и хватит об этом. Ежели на то пошло, так это личное дело мое и каждого, да и хвастать тут особо нечем.

– Дядя Поликарп! – не унимался Мишка. – Ты признайся, а то я тебя на чистую водицу выведу. Ты помнишь, на курорте был у Черных морей? И с артисткой крутил, которая из «Тихого Дона»? Ты тогда и фотокарточки привозил. А баба моя на почте работала, дак она письма еёные вскрывала и читала. И ты хочешь сказать, что устоял против такого натиска?

Поликарп улыбнулся:

– Дурак ты, Мишка, и мысли твои дурацкие. Она народная артистка, на танцах пригласила меня, а я в молодости вальс крутил, только в конце музыки приземлялся. Конечно, ей понравилось. И я поглянул, интересно ей, городской, из такого круга, поговорить с человеком от земли, деревенским. Каждый вечер встречались и гуляли.

– Дядя Поликарп, да если по кинокартине, она тебя в первый же вечер должна была сомустить! Такая баба!

– Умная и скромная, и письма писала душевные, и Кристине моей завидовала, какой у неё муж. Все, Михаил, ты бы топором так работал, как языком, цены бы тебе не было...

Она болела недолго, так и говорила:

– Я тебя, Карпуша, не буду мучить, скоро уберусь. А ты живи, присмотришь какую бабочку – веди, я в обиде не буду.

Он сидел рядом с кроватью и держал её руку, слышал последний вдох, лёгкую судорогу и последнее движение вытягивающегося тела. Когда женщины омыли покойницу, обрядили и положили на лавку, он опять сидел рядом, не вставая положенных два дня. Ночью, когда все уходили, он открывал простынку с её лица, молча смотрел и плакал.

После похорон сорок дней не выходил из дома, поговаривали разное: то ли умом сшевелился, то ли горькую пьёт. Сороковины отводили родственники, Поликарп, исхудавший, обросший, молча выпил полный стакан водки:

– Прости меня, Кристюшка моя дорогая, только с сегодняшнего дня думать о тебе перестаю, а то уж видения мне являются.

Натопил баню, сходил постригся к Прокопью Александровичу, после бани побрился и впервые за сорок дней сварил супчик. Началась новая жизнь...

На другой день к обеду привезли Ивана Кирикова, ночь ночевал дома, а часам к десяти стали подходить люди. Это

в деревне так заведено, прийти к покойному, помолчать, потом вслед процессии бросить три горсти землицы, а то и сходить на могилки, там попрощаться. Иван все послевоенные годы прожил незаметно для людей, в колхозе выполнял самую простую работу, больше по сторожению, но охранник из него выходил неважный. С вечера прихватывал банку бражки, пил глоточками, но ему хватало, и через пару часов можно было не только барахло – самого сторожа утащить.

– Да... – говорил каждый, выходя из скорбной избы.

– Хоть и пил, а никому худого не сделал.

– Никому. Что попросишь – всегда поможет.

Прокопий Александрович, воевавший вместе с Иваном, вышел из избы и вытер слезу:

– Он меня на фронте два раза спас. Однажды послали нас впереди роты бежать, как дозор, я передом, Иван приотстал. Прошли с полкилометра, лес реденький, и слышу сзади выстрел, оглянулся, а Иван на берёзу показывает в стороне от тропинки. Снайпер сидел, я прошляпил, а Иван усёк, что тот в мою сторону ствол повернул. Ну, и бахнул его из карабина. А второй раз на минное поле нарвались, опять я передом бегу, в зубах крови нет, все вши под пилоткой со страху примерли, а Иван опять чуть отстал. А потом со всего лету ударился об меня, сбил с ног, и сам пластом пал, только мина уже сработала. Вот тогда ему руку-то и оторвало.

2

Поликарп Евдинович хватил горя за свою жизнь, только никто о том не знал, разве покойная Кристинья Васильевна чего от него слышала, и то навряд ли, а вот на тебе, чужому человеку, постояльцу своему в трезвом ночном разговоре обо всем поведал. Почему не убоялся, что человек этот может быть не столько порядочным, сколь показался Поликарпу, а может и не думал он о последующем, бывает такое с русским человеком, что надо высказаться, а там хоть не рассветай. Вот и тут подобный случай.

Постояльца того сельсовет направил, секретарша привела:

– Прими, Поликарп Евдинович, у тебя и хоромы позволяють, и тишина в дому, а человек это важный, и дела его мне не ведомы.

Познакомились, хозяин ужин сгоношил, распечатал бутылочку «Московской», приняли по стаканчику, закусили. Зима, на каждом деревенском столе мясо не выводится, солонина всяческая: грузди, капуста, огурец, помидоры. Покойница мастерица была, и Поликарп перенял все хитрости, у них помидоры, например, и в марте месяце были как свеженькие. Ну, одни речи, другие, гость и спрашивает:

– Поликарп Евдинович, судя по годам, вы и первую мировую захватили, и гражданскую, да и в Отечественной тоже

пришлось постоять?

– Истинно так, молодой человек, всего отведал. Могу рассказать, коли интерес есть. Родился я ещё в прошлом веке, так что к Германской в аккурат созрел. Грамоту знал, потому сразу попал на подготовку и получил унтера, было такое звание – не солдат, да и не офицер, так, средне. Хаживал и в штыковую, помню и австрияку, которого первым на нож взял. Мерзко это, но война, присягали царю и Отечеству, за них и «ура» кричали. Только смотрю я – не все ладно в армии. То снарядов не подбросят, то кормить перестанут, а места такие, что население куска хлеба не даст русскому. Стали вылупляться разные людишки, с речами про замирение, про братанье, один так и высказался:

– Немец вам не враг, он такой же пролетарий и крестьянин, как и вы, потому делить вам нечего, у них и у вас враг один: капиталисты и помещики. Надо поворачивать оружие против царя и устанавливать на всей земле диктатуру пролетариата.

Мне интересно, я и спрашиваю:

– Диктатура, как можно понять, это власть, тогда отчего только пролетарская, а не народная? Крестьянина вы не берете в свою власть?

А он отвечает, несчастный:

– Крестьянин – элемент несознательный, он до революции не дорос ещё, вот мы его и будем воспитывать и приобщать. Но теперь не об том речь, а надо командиров ваших

убирать и избирать комиссаров в каждом полку, и чтоб командир строго комиссару подчинялся. Вот тогда побратаемся с немцами и пойдём на царизм.

Ну, это я так кратко сложил все речи в одну, чтоб понятней было. И опять непонятно, как эти людишки к нам пробираются, почему никто из офицеров в это время не появится, чтобы порядок навести. И случись такая неприятность: этот упырь нас агитирует к примирению, немцев братьями называет, а они в это время по нашему митингу артиллерийский огонь открыли. Я тогда схватил винтовку и застрелил того агитатора.

Дальше – больше, и братания, и дезертирство начались. Командир полка у нас был хороший человек, подполковник Бековский, я к нему:

– Господин подполковник, научите, что делать честному человеку и солдату.

Так я с подполковником и остался, сперва к Врангелю примкнули, со своими братьями воевали, но я не чувствовал вины, за мной были присяга и государь, хотя и отрёкшийся. Мы не верили в отречение, и подполковник объявил, что это все подстроено, чтобы народ с толку сбить. За море мы не побежали, пристроились к Колчаку, но красные теснят, порядка в войсках не стало, уже за Уралом в открытую разрешалось мародёрство. Подполковник Бековский собрал нас, кто с ним пошёл, и сказал такие слова, какие я никогда не забуду:

– Похоже на то, братцы, что Россия продана жидам окончательно, наш верховный тоже не промах, о своей будущей жизни позаботился, сундуки золота везёт, полк на охране держит. Потому не вижу смысла служить ни белым, ни красным. Данной мне властью освобождаю вас от присяги и полк распускаю. Простите меня, братцы, что слишком поздно разобрался, кто есть кто.

Обнялись мы с ним, и в разные стороны. Я один шёл, все лесами, в деревни заходил только ночью, выслеживал, чтобы красные не стояли и заходил. Под ружьём и хлеб брал, и сало, и сапоги погоднее. В лесу же наткнулся на трёх убитых красноармейцев, у одного документ нашёл: Раздорской Поликарп Евдинович. Взял, до Омска добрался, тут уж советская власть, а куда далё – не знаю, на родину к Волге дорога дальняя, да и не ждёт никто, все родные в голодные годы примерли. Подсел к таким же горемыкам, раненые, идут домой. Толковые ребята, сразу сообразили, кто я есть. Говорят:

– Тут госпиталь недалеко, если изловчишься раздобыть бумагу про ранение, смело можешь к властям обращаться и притулиться где в деревне.

Надо было сказать, что при расставании подполковник Бековский отдал мне свои золотые часы, подарок от государя императора. Пришёл в госпиталь, пригляделся, бегают в белом халате молодой, чернявенький, говорят, он старший и есть. Я к нему, так, мол, и так, был контужен, отправлен домой, а на вокзале мешок с барахлом украли у сонного, а там

справки и лекарства от головы. При мне только красноармейская книжка и осталась. И подаю ему бумагу. Он глянул и радостно так улыбнулся:

– Как же так, красноармеец Раздорский, неделю назад я тебя выписал с пулевым ранением в руку, а ты сегодня уже с контузией?

Деваться некуда, достаю часы, кладу на стол:

– Господин доктор, напиши бумагу про ранение, и я уйду. А нет – обоим не жить, застрелю я тебя из нагана. – А у самого рука в кармане. – Какая тебе выгода, если я тебя шлёпну, а так я при документе, а ты с часами золотыми, да ещё царскими.

Врач часы повертел, засмеялся:

– Черт с тобой, солдат, бумагу я сделаю, а ты не боишься, что вслед за тобой отправлю комендатуру?

– Не боюсь, – отвечаю, – потому что не дурак же ты, документ белогвардейцу выдал, да ещё часики поимел. Да и не побегу я сразу, за тобой незаметно часика три следить стану, чтобы ты глупостей не натворил.

На том и расстались. Трое суток просидел на одной квартире, только потом подался на вокзал, забился в вагон и в Ишиме вышел. Несколько дней шёл, потом свалил меня тиф, прямо у дороги. И ехала подвода деревенская, увидели меня, отец вроде в сторону, а дочка упросила подобрать солдатика. Выходила меня Кристиныюшка, подняла на ноги, а отпускать не хочет, все отцу приговаривает, что слаб ещё

Поликарп. Отец и сам видит, что не отпустит дочка этого человека, так нас и благословил.

А зимой полыхнуло восстание, крестьянский мятеж, вы его зовёте кулацко-эсеровским. Тесть мой хозяин был самостоятельный, собрал отряд единомысленников, я, конечно, в стороне остаться не мог, власть и коммунистов побили, пошли по ближним сёлам порядок наводить. Я понимал, что мятеж наш обречён, он стихийный, подготовки нет, поддержки никакой, хотя командующий, молодой паренёк Григорий Данилович Атаманов, уверял, что солдаты – те же крестьяне, примкнут. Не примкнули. Первый полк, правда, стрелять отказался, его разоружили и заперли в казарме, зато новые пришли. Наша задача была Ишим взять, железную дорогу перехватить, чтобы составы с хлебом в Рассею не пустить. Дело прошлое, но возьми мы станцию – через месяц в обеих столицах народ от голода взвыл и разнёс бы Кремль со Смольным. Не вышло, три попытки делали, сотни людей положили, но с пикой и винтовкой против пулемёта не попрёшь. Вот тогда и показала советская власть свою любовь к русскому народу, красные командиры деревни прямой наводкой из пушек расстреливали, пленных повстанцев в шеренги строили и из пулемётов косили. Я с ребятами попал в засаду, связали, увезли в тюрьму. Через месяц вызывают на следствие, глаза поднимаю, а за столом подполковник Бекровский сидит, правда, мундирчик на нем уже красноармейский. Я в удивлении, а он вовсе смущён:

– Объясни, как получил новую фамилию?

Объяснил. И сам задаю вопрос:

– А вы, господин подполковник, когда успели переодеться?

Он встал, открыл дверь кабинета, удостоверился, что нет никого, сел на стул:

– Я бежал в Екатеринбург, там связался с офицерским подпольем, помогли сделать новые документы, по которым я отчаянно сражался с тем же Врангелем и гнал Колчака. Обошлось, поверили, видимо, не до тонких проверок, направили в военный комиссариат, теперь вот занимаюсь расследованием. Тебя я вытащу из тюрьмы, тут никакого порядка в делах нет, подложу несколько протоколов, по которым ты, скажем, кашеваром был у бандитов.

Я даже с табуретки вскочил:

– Спасибо, господин или товарищ, не знаю, как обозначить, но обидели вы меня крепко, а потому никаких сделок, я под трибунал, и ты со мной следом. Как вы могли, боевой офицер, пример для солдата, так жидко обмараться? Вызывай конвой, мне противно на тебя смотреть. И не бледней, я не выдам, мне это мерзко.

Бековский опять открыл дверь – никого. Подошёл сзади, положил руки мне на плечи:

– Спасибо, солдат, за верность и правду. Слушать не очень приятно твои речи, только гордостью за русский народ и спасался в эти минуты. Открою тебе свою тайну: я так и остался

офицером русской армии, а здесь выполняю задание центра. Моя задача – спасти лучшую часть восставших, и я это делаю. Знай, солдат, если будет клич, он и к тебе. Мы считаем, что ещё не поздно.

– Почему ваш центр не возглавил мятеж, мы же задыхались без толкового руководства!

Бековский закрыл лицо руками:

– Стыдно, но упустили момент, все случилось столь скоро, что мы ничего не успели предпринять. Но ещё не все потеряно. Большевики планируют крупные акции в деревне, будет проведена кооперация, иными словами, обобществление всего имущества и ликвидация частной собственности. Вот тогда мы поднимем Россию. Так, на сегодня довольно, в камере ни с кем не общайся, ничего не говори. Дай мне неделю, и я отпущу тебя чистым.

Я ему поверил, хотя сомневался, что местные не знают меня и моего тестя, он-то вовсе заметным был человеком, справа от Атаманова часто стоял. В камере уединился, прикинулся больным, ни с кем не говорил, только как-то утром, это уже май, солнце встало и в наше окошко заглядывает, разбудил меня арестант и говорит:

– Тестя твоего вчера шлёпнули.

– Откуда узнал?

– Ночью с допроса нашего деревенского привели, он слышал от конвойных, что они сами водили за стенку.

Я опять лёг, словно известие меня не интересует, а сам ду-

маю, что если тестя расстреляли, то ниточку они правильную тянут, а на другом конце я со своим походом от Гольшмановской до Называевской, не могут они его пропустить. Мы тогда с десятком отчаянных парней потешили демона в сердце своём, в каждой волости находили укрывшихся на первых порах, разбирались скоро, никого не оставили. Да...

Через пару дней ведут к следователю, сидит молодой парень, бумажки полистал и говорит радостно:

– На тебя, Раздорский, обвинительного материала не собрано, так что свободен.

Меня черт за язык дёрнул:

– А ты чему радуешься?

Паренёк засмеялся:

– Отпускать на волю человека приятней, чем в трибунал да к расстрелу. Я человек новый, никак не привыкну. Ладно, иди, пока не завернули.

Так я вышел сухим из такой грязи, что вспомнить страшно. Дома плач, тестя схоронили, хозяйство разорено, чем жить – не знаю. Подался работником к одному хмырю, он восставших поддерживал, мясо и хлеб поставлял, но тихонько, лишние не знали. А подполковника своего я больше не видел, и даже фамилии его новой не знал.

Как колхозы создавали, как крестьянина изнасиловали, про то вспоминать не буду. На Финскую войну не успел, пока собирали, там уж замирение вышло. Я не большой грамотей, а газеты между строчек читать научился. Пишут о мире,

а кругом война идёт, Гитлер воюет с Англией, а с ненавистными Советами бумагу подписывают. Старшего сына Гаврилу на действительную призвали, младшие дома, в колхозе. Я Кристиныюшку потихоньку приучаю к самостоятельности, ребятишек тоже. Тестюшкины заначки нашёл в погребе, когда задумал накат заменить, умудрился же сумку кожаную изнутри на перекрытия запихать. И тут вспомнил я, что уже в тюрьме тесть шепнул мне:

– Если Бог даст выйти, погреб перекрой летом. Не забудь. Или Гаврилке дай знать. И чтоб непременно перекрыли, даже если выселять станут.

Грешным делом, подумал, что от побоев тронулся старик, а он вон что предвидел: вскроем погреб – непременно сумку найдём. А там царские золотые, горстка камушков. Кристюшка прибрала все, я горсть монет свозил в Петропавловск, знакомые киргизы купили и ещё просили привозить. Я их адреса записал и опять же хозяйке: вдруг не придётся самому?

На войну меня привезли под Ленинград, сформировали из сибиряков штурмовую роту. Ну, чтобы понятней, такая рота, которая жить не хочет и каждую минуту ждёт команду «Вперёд!», а что впереди – никому не ведомо. Просто надо взять высотку или деревню, быстро надо, на то и рота. Вроде и не штрафники, видел я потом и эту породу, но спуска никакого не было. Командовал нами молодой лейтенант, из наших краёв, Ермаков Иван. Теперь диву даюсь: половине сол-

дат в сыновья подходил, а за отца родного почитали. Отчаянный и толковый командир, но сгорел за нашего брата. Жулик сидел на снабжении, вместо полушубков выдал нам телогрейки. Ваня наш пошёл разбираться и не вернулся, морду набил тому капитану и под трибунал. Сказывали, что вмешался кто-то из большого начальства, от трибунала отвёл, вроде как партбилетом ограничились.

Ну вот, рванулись мы как-то, а фашист нас так встретил, будто ждал. Это как надо русского мужика напужать, чтобы он в незнакомое болото полез? Полезли все, кому жить охота. Чем дальше, тем глубже, а он, падла, с сухого бережка головы поднять не даёт. Выбрал я кочку посolidней, спрятался за ней, винтовку между кочек положил, как перекладину. Час стоим, два, вроде тихо стало, а как только один высунулся, тут же сняли. Караулят, сукины дети. Ночь настала – не уходят, машины подогнали, фарами светят. Только шевельнулся – выстрел. Видно, игру такую придумали. А ноябрь месяц, морозец стукнул, болотная жижа схватывается у тебя под горлом. Спать охота больше, чем жрать. Я голову в кочку, дреманул чуток, очнулся – лёд вокруг шеи в палец. Ну, думаю, либо усну и утону, либо не выдержу и рвану спасаться, а там будь что будет. Двое суток мы так простояли, из сотни вышли только пятнадцать. Мне сестричка кружку спирту налила, я выпил и спать. Вот так бывало.

Потом перевели меня в полковую разведку, оттуда в дивизионную. Я ни одного человека не знал, кто бы такому повы-

шению радовался. Кормили, конечно, на убой, но тренировки, учения, а мне за сорок. Задания пустяковые нам не давали, нас находили, когда уже безвыходно: надо языка срочно, у командующего данные расходятся. Раза два сходили нормально, приволокли, кого надо. А потом сами попали, завернули нам головы, как курятам, и приволокли в блиндаж. Старшина у нас был, золотой человек, но всегда ему надо на отличку. Не раз было говорено: в тыл идёшь, сними свои ордена, да и положено так. Он одёргивал:

– Мои ордена кровью заработаны, а если попаду к фашистам, пусть знают, кто есть такой старшина Шкурко.

Ну, дохвалился. Немцы на ордена любоваться не стали, вывели старшину за дверь и шлёпнули. Мы поупирались, но за старшиной идти не хочется, потому рассказали, что знали. Старший, которому переводили, по картам своим сверился, кивнул и велел отправить в ближайший лагерь. Мы тогда ещё не знали, что старшине больше повезло. В лагере есть почти не дают, баланда, у меня такую и свиньи не знали. Через пару дней жестокий понос, а это верная гибель.

Утром выстраивают нас в шеренгу, команда «Равняйся! Смирно!», а мы как стояли, так и стоим. «Равнение на середину!» Три или четыре офицера в центре площадки, один выходит вперёд и начинает по-нашему говорить. И до того мне голос этот знакомый, что, хоть плачь, а вспомнить не могу. В лицо гляжу – лицо плохо видно, сумерки, да и зрение я потерял основательно. А говорил он то, что нам в пер-

вый же день разъяснил раненый пленный, видно, из комсостава, но ребята не выдали: будут агитировать переходить на сторону фашистов и бить своих, так что будьте готовы, солдатики, у кого кишка тонка или кто зло на советскую власть имеет, те перейдут. И будут прокляты своим народом, и дети их будут прокляты! После таких слов в самом деле подумаешь, не лучше ли сдохнуть в лагере, чем семью подставлять.

Офицер говорил недолго, но конкретно: кто соглашается служить великому рейху, тот будет жить, остальные пойдут на каторжные работы, как будто тут мы почти у Христа за пазухой. И стал он ходить вдоль нашей шеренги, и чем ближе ко мне, тем яснее вижу своего спасителя от 21 года, бывшего подполковника Бековского. Постарел, но держится прямо, а немецкая форма к нему не льнёт, в мундире русского подполковника он истинным молодцом был. Напротив меня остановился, долго смотрел, потом улыбнулся:

– Да, солдат, действительно, оказывается, земля круглая. Признаюсь, не ожидал, но наша встреча – добрый знак, и прежде всего тебе. У тебя есть шанс заручиться доверием командования и сделать хорошую карьеру. Я расскажу господину Гольдбергу о твоей борьбе с советами, и ты быстро пойдёшь в гору. Господин Гольдберг...

Дальше он говорил по-немецки, но по тому, как светлело лицо офицера, я понял, что Бековский докладывает об удачной находке. Они ещё перебросились парой фраз, и оба по-

дошли ко мне.

– Мы с господином Гольдбергом решили тебя не торопить, ты подумай сегодня, а завтра выступишь перед лагерем и призовёшь всех на борьбу с коммунистами. Ты расскажешь своё участие в восстании, люди это оценят. Действуй, солдат, кстати, напомни фамилию.

– Вам первую или вторую?

Бековский вскинул брови:

– А была и первая?

– Когда мы с вами за царя и Отечество воевали с этими ребятами, – я кивнул на офицеров, – фамилия моя была Сухарев. Потом, когда кинули мы с вами Россию на коммунистов, пришлось стать Раздорским.

– Довольно об этом, лучше подумай, что скажешь завтра.

– Подумаю, – пообещал я.

Ночью не спал совсем. Откажусь – сразу приму смерть, хоть не мучиться. Соглашусь – что из этого выйдет? На передовую не пошлют, поопасаются, что сбегу. Будут на карательных операциях держать, как последнего мерзавца. Советы и коммунисты мне родными так и не стали, я при них много чего хлебнул, но ведь Родина все-таки там, вот здесь, на этих болотах. И семья там, и Христюшка, и Ганя, и девчонки. С ними-то как?

И решил я предложить господам офицерам игру: я соглашусь, прохожу подготовку, чтобы отправили меня в Россию для диверсий, для шпионажа или как там у них. Сразу на-

помню господину бывшему подполковнику, что вожжи всегда в его руках, потому что, если вдруг пропаду или не вернусь, он может сообщить советским органам и про участие в банде, и про плен, и про согласие на сотрудничество. Сам для себя решаю: если не согласятся, пусть расстреливают.

Утром меня привели к подполковнику. На столе стояла тарелка супа и сковорода с жареной картошкой.

– Позавтракай, солдат, потом поговорим.

Я стал есть, но осторожно, после голодухи боялся окочуриться. Когда отодвинул посуду, хозяин встал и прошёлся по комнате:

– Ты можешь называть меня господином подполковником, я тут повышения не получил. Ты так и будешь Раздорский. Что же ты надумал, дорогой Раздорский?

Мне шибко пришлось себя сдерживать, потому что слишком многое поставлено на карту, да что там многое – все. Подполковник выслушал, даже одобрительно кивнул, когда я сказал о вожжах.

– Меня настораживает, что ты сразу запросился в Россию. Конечно, тебя расстреляют сразу, как только я передам сведения в органы. Что тебя туда влечёт?

Мне тяжело далось это слово, но я его сказал:

– Мечь.

Подполковник ещё походил по комнате, потом велел ждать и запер дверь на ключ. Его не было больше часа, я ещё пару ложек картошки ухватил, только от волнения аппетит

пропал.

Про учебную подготовку говорить не буду, так, абы как, видно, всерьёз нашего брата в этой шараге никто не воспринимал, хотя я видел группу здоровых ребят, они отдельно жили. Как бы то ни было, отправили нас троих через линию фронта, и задание простейшее: убивать, взрывать объекты, мосты, железные пути. Я тех двоих сразу убрал, завалил ветками в приметном месте, и стал определяться, где нахожусь, какая местность и с кем мне речи вести опять на грани жизни и смерти. Обмундирование на мне красноармейское, легенда такая, что был в плену, да убежал из лагеря. Лагерь, если захотят проверить, назову свой.

Через два дня нарвался на разведку, скрутили, я им шепчу, что свой, из плена бегу. Привели на передовую, доложили, кому следует, меня к особисту. Пожилой капитан, злой на весь белый свет, меня, ни слова не сказав, ударил по шее. Я поднялся и говорю:

– И вам здравия желаю, товарищ капитан.

Капитан наглости удивился, но бить больше не стал. Предложил рассказать, из какой школы, сколько там курсантов, где остальные члены группы.

– Ты свои сказки о побеге кому-нибудь другому расскажешь, понял? Чую я, что ты не простой орешек, потому отправлю в дивизию, пусть разбираются.

В дивизионной контрразведке со мной говорили двое, не били, нажимали на совесть и на долг перед Родиной. Часа

три мы так перепирались, когда вошел майор и сказал:

– Есть подтверждение, ребята, что мой старый знакомый подполковник Бековский руководит школой диверсантов где-то в ближнем тылу. Вот только где? Узнать любыми путями, эта мразь столько нам крови попортила!

И тут меня что-то приподняло, я сам потом пытался разобраться, почему встал, но не смог чётко ответить. Я встал:

– Товарищ майор, я знаю эту школу и подполковника Бековского Николая Владимировича с первой мировой знаю. Я из его школы пришёл, а отпустил он меня только потому, много грехов на мне перед советской властью. И в гражданскую был вместе с ним у Врангеля с Колчаком, и в восстании против коммунистов в Ишиме участвовал. Сказал, если обману, он все это передаст в органы. Так вот, я сам все сказал. Дайте мне три добрых солдата, и мы притащим этого подполковника.

Первым очнулся майор:

– Ты не бредишь, солдат? Мы проверили твои данные, действительно, ваша группа взята в плен месяц назад, я уж хотел зачислять тебя в строй, а ты такой номер. Все правда?

– Все! – отвечаю.

– А группу не сдашь Бековскому?

– Товарищ майор, три солдата для Бековского значения не имеют, он и спасибо не скажет. А возьмем мы его, это я обещаю.

Майор поднял руку:

– Ты мне ещё честное пионерское скажи! И ничего пока не решено, что ты через фронт пойдёшь. Ты не один шёл?

– Двое их было. Убрал. Ветками завалил, могу показать.

Отправили меня под арест, принесли тёплую кашу, чай. Сажу и думаю: боялся, что подполковник выдаст про меня, а сам рассказал. Что во мне перевернулось? Почему человек, спасший мне жизнь, для меня сейчас враг, и ради того, чтобы его убрать, я заложил свою жизнь, семью свою заложил. Много дум, одна другой краше. Только, думаю, отпустили бы, если не притащу, то пристрелю. Чтобы больше не вредил.

Вечером ко мне пришёл тот самый майор, сел напротив, в глаза заглядывает:

– Понимаешь, Раздорский, начальство не особо верит в твой план, а я почему-то тебе доверяю. Не знаю, почему. Я до войны начальником колонии был, в людях разбираюсь, и вот тебе верю. Под мою ответственность пойдёшь с ребятами, и чтобы Бековский был тут живой или мёртвый, но лучше живой. Понял?

Я встал:

– Товарищ майор, а что со мной будет за прошлые дела? Трибунал?

– Ты реши дела нынешние, а про твои прошлые, кроме меня и подполковника Бековского, никто не знает. Ты понимаешь меня, солдат? Понимаешь, какую ответственность я беру?

Я только кивнул, что понимаю. Ребят мне привели крепких, молодых, но бывалых. Когда я объяснил задачу, один хихикнул:

– Дак это мы одной левой!

Я одёрнул, чтобы не брякал языком, потому что до подполковника по тылам ихним надо идти вёрст двадцать, и это не по тракту, а лесом и болотом. Да ещё изловчиться взять его тихо, если шумнём – ни подполковника, ни нас... Первую дорогу прошли без приключений, место осмотрели, чтобы ребят сориентировать: в этих домах живут курсанты, сколько их – не знаю, в том доме охрана немецкая, а в этом живёт подполковник, один, не любит соседей, одичал совсем. Прежде в доме охраны у него не было, а сейчас? Сутки высматривал, когда уходит, когда приходит, понял, что один, лампу гасит рано, хотя какой-то светильничек тлеет всю ночь.

Решился я на отчаянное. Вечером Бековский выходил погулять, но за территорию школы ни разу не шагнул, хотя вот лес рядом, где мы сидим. Полз я к дому – земли не чуял, обошлось, змеёй гибкой проскользнул в приоткрытую дверь и встал у косяка. Слышу: в комнате разговоры, меня аж ободрало, а потом дошло: радио. Вот и хозяин возвратился, ударил аккуратно, чтобы не насмерть, спустил с крыльца. Только пополз с добычей, слышу голос, похоже Гольдберг, зовёт подполковника. Опять вши мрут от страха. Спасло немецкое воспитание. Вот как бы наш сделал: покричал, не отвечает

хозяин, открыл дверь, проверил. А этот – нет, не ответил хозяин, значит, нет в доме, а возможно, и не желает в данный момент общаться. Поползли дальше. Если без подробностей, то и отстреливались, и сутки лежали, и бегом бежали по несколько вёрст. Один паренёк карты понимал, посмотрел: до наших должно быть версты три. Пошли ещё осторожней, как бы свои не встретили. Вышли на передовое охранение, команды «Стоять!» и «Пароль?». Кое-как объяснили, что разведка мы, только ушли правее. Одних не отпустили, двое с автоматами сзади. Ну, теперь уже все равно дома.

Подполковника вели связанного, во рту кляп, так и сдал его майору. На этом бы всему и закончиться, только в жизни всякое бывает. Мы подполковника обыскали не больно тщательно, а в штабе не нашлось человека, кто бы проверил нашу работу. Бековского распоясали, посадили на табурет, а он все егозится, потом говорит:

– Господин майор, велите принесли чистые кальсоны и брюки, ваши доблестные воины помочиться не давали, прошу прощения за натурализм.

Одежду принесли, Бековский начал снимать брюки, а потом резко сунул руку в штанину и выхватил браунинг, маленький такой пистолет, и разворачивается к майору. Я его с ног сбил, да, видно, не судьба ему жить дальше: подвернулась рука при падении, и выстрелил он прямо в своё сердце. Майор подошёл ко мне, пожал руку:

– Считаю тебя спасителем своим, солдат. Пойдёшь ко мне

на особые поручения, не кипятись, эта служба тоже не мёд. А там посмотрим. И про дела наши прошлые – никому. Я, конечно, свою порцию матерков от начальства получу, но ты все правильно сделал. По нашим данным, подполковник Бековский разрабатывал диверсию против товарища Жукова. И это серьёзно, он очень грамотный человек, мы потеряли через него несколько боевых генералов. Вроде и охрана, и не передний край, а то пуля снайперская, то взрыв в штабе, то бомба под автомобилем. Товарищ Берия дал нам неделю на уничтожение этого стратега, а тут ты подвернулся. Надо бы к награде тебя, да документы не позволяют, не дай Бог начнут проверять, сам пойдёшь под расстрел.

Вскоре меня ранило, и Победу встретил в госпитале в Горьком, оттуда домой. В зрелые годы стал задумываться, как с нами жизнь играет. Бековский у меня с ума найдёт, как он моей судьбой вольно и невольно руководил и как сам в оконцовке оказался проигравшим.

3

Фёдор Петрович Ганюшкин, как ему казалось, умирал в угловой палате реанимационного отделения, куда главный врач, знающий его по прежней руководящей работе, из уважения дал команду положить. Молодые медсестры, как ему потом сказали, были против, потому что привезли его в отделение глубокой ночью сильно пьяного, а скорую вызвала хозяйка его собутыльника, сантехника или кочегара коммунального хозяйства. Если бы он мог трезво оценивать, конечно, поразился бы составу последней компании. Вспомнил, что сидели в котельной с какими-то мужиками, они узнали бывшего секретаря райкома, пригласили в компанию, а он за этим и шёл.

Ганюшкин очнулся только к вечеру следующего дня, обе руки привязаны к кровати, и из двух бутылей в его истерзанный организм вливали какую-то жидкость. Вошёл врач, молодой, красивый, раньше они не встречались, да и где?

– Как вы себя чувствуете? – почти безразлично спросил доктор.

– Хорошо, – хотел сказать он, но услышал сиплое мычание.

– Вы знаете, как попали сюда? – с небрежением посмотрел на него доктор.

Ганюшкин отрицательно покачал головой, потому что из-

давать тот звук ещё раз ему показалось страшным.

– Вас привезли в дым пьяного с почти остановившимся сердцем. Сейчас вы слышите своё сердце?

Врать не хотелось, он прислушался, в левой половине груди все горело, но сердца не почувствовал. Безднадежно посмотрел на врача.

– У вас обширный инфаркт, сейчас сердце работает только под влиянием вот этих препаратов. Если их отключить, вы умрёте.

Ганюшкин кивнул.

– Вы киваете, понимаете, что можете умереть?

Он чуть качнул головой в сторону и показал глазами на бутылки.

Доктор улыбнулся:

– Вы предлагаете отключить препараты? Увы, это запрещено, хотя на таких больных, как вы, я не стал бы тратить ни копейки. Вам понятна моя позиция?

Ганюшкин опять кивнул. Его била мелкая дрожь, все тело покрыто липким и вонючим потом. Понимая, что это бесполезно, он облизал губы и попробовал сказать:

– Доктор.

Что-то получилось, потому что врач наклонился к нему.

– Глоток спирта. Мне плохо.

Доктор воровато оглянулся назад, открыл дверцу стеклянного шкафа и налил в стакан грамм пятьдесят, развёл водой и поднёс к его рту. Ганюшкина затрясло ещё больше от пред-

вкушения, на подушках он лежал высоко, потому выпил легко и даже с удовольствием.

– Запах от вас и без того убедительный, я просто пожалел вас. Если чему-то суждено случиться, то оно случится часом-двумя раньше. Насколько я понимаю, с такими травмами миокарда в наших условиях вообще не живут. К тому же ваш образ жизни... Вы понимаете, что это между нами?

Фёдор Петрович с благодарностью кивнул. Из всего последующего ему самым неприятным было, когда молодая нянечка подсовывала утку. С уткой он знаком ещё с Афгана, но там работали медбратья из таких же салажат, как и он сам, потому никаких проблем, а тут молоденькая девчонка, она стыдится, ему неловко. Когда она его таким образом обиходила, подошла и спросила:

– Вы Нины Фёдоровны отец?

Нина – его старшая дочь, умница, муж ей хороший попался, хотя тестя в последнее время не пускал в дом. Да он и не рвался, с дочкой по телефону говорил, она иногда забежала к нему, мыла, чистила, ворчала...

– Я вас сразу узнала сегодня утром, а Нина Фёдоровна звонила, врач сказал, что очень плохо, и её не пустят к вам. Вы этого молодого доктора не особо почитайте, он нехороший человек. Вот ночью придёт дежурить доктор Струев, его слушайте. Этот вам про смерть говорил?

Ганюшкин с удивлением кивнул.

– Он всем так говорит. Раньше вообще нельзя было

с больным о его болезни говорить, а теперь прямо могут сказать, что не жилец.

Он опять кивнул, и она ушла. Вопреки обещаниям доктора, он не умер, а даже чуть полегчало. Теперь он больше всего боялся визита Нины, она женщина пробивная, может договориться, чтобы разрешили свидание, но отец от этой встречи ничего хорошего не ждал. Она вся в него, не нынешнего, а того, каким был раньше: прямая, резкая, никаких компромиссов. Учиться пошла на финансиста, хотя он рекомендовал что-нибудь гуманитарное. После института вернулась в район, диплом с отличием, девчонку взяли в отделение Госбанка. Отец смеялся:

– Нина, и охота тебе чужие деньги считать?

– Папа, ты совсем не знаешь банковского дела. Наличные деньги – только часть нашей работы, все остальное в бумагах – счета, платёжки. Не морочь себе голову, гуманитарий.

А ведь совсем недавно и было все это. Он тогда в райкоме работал, выпивал, но не сказать, чтобы заметно, дома после работы двести грамм пропустит, кажется, на душе свободней. А встречи?! Каждую неделю кто-то из области в гостях, а гости всякие, кто только поужинает и в машину, а с иным до полуночи сидит. Утром на работу надо к семи часам, встанет в шесть, зарядку кое-как сделает, обмоется по пояс, зубы прочистит и горло прополощет, а жена все равно с подозрением смотрит:

– Нет, Федя, и рожа, извини, у тебя не райкомовская, и за-

пах не коммунистический.

Старшая дочь Валюша после института уехала на Север, вышла замуж, приезжали с мужем на недельку после южного отдыха, она о беде отца позже всех узнала. А Нина душе-спасительные беседы устраивала после каждого серьёзного срыва. Ганюшкин поначалу все на Афган сваливал, мол, поистрепали нервы, вот и хочется хоть как-то забыться.

Афган мало кому на пользу пошёл, разве московским генералам, которые за золотыми звёздами сюда прилетали. Отсидится месяц в каком-нибудь гарнизоне под прикрытием спецназа и пары вертушек, а потом распишет свои подвиги. Он сам читал в «Звезде» про одного, которого они же и охраняли, так он только что не перестрелял всех духов, так развоевался, что позиции наших войск радикально укрепились. А сам, падла, на толчок ходил с парой автоматчиков.

Там же Ганюшкина и ранило за месяц до демобилизации, с бронемашинны как ветром сдуло, осколок фугаса в груди застрял. Ребята быстро в машину и в лазарет, а там хирургом оказался молодой совсем человек, но рисковый. Видит, что парень кровью исходит, велел бросить на стол, гимнастёрку ножницами располовинил, а Ганюшкин уже поплыл, слышал только, что врач девчонок медсестёр материт, те боятся, ни разу не видели, чтобы из живого человека кусок железа торчал. Через двое суток очнулся, а хирург этот над ним сидит, улыбается:

– Ну, дембель, забирай свой осколок и шпарь домой. Я те-

бя к вечеру отправлю вертушкой в госпиталь, пусть посмотрят, все ли там ладно. А девчонкам спасибо скажи, видишь, какие они смирные, я из них всю кровь для тебя высосал. Жениться тебе на них уже нельзя, кровное родство. Понял?

В госпитале долго шептались доктора, когда рентген посмотрели. В сантиметре от сердца осколок, а тот пацан без церемоний выдернул.

Афган многих ребят подсадил на наркотики, в Союзе про них только слышали, а тут рядом и сколько хочешь. Ганюшкин один раз ширнулся и больше не стал, испугался, лучше спирта кружку накинуть для храбрости. Там и втянулся. Когда домой пришёл, скрывался, в сельхозинститут поступил, спортом занялся, а бутылку на троих соображали часто, особенно после удачного калыма на разгрузке барж...

Услышал в коридоре голос Нины, идёт командир, сейчас будут разборки. Дверь открыла, в белом халате, в шапочке, ну, чисто врач, подошла, села на стульчик. Отцу совестно, глаза прикрыл, притих. И вдруг слышит: всхлипывает. Открыл глаза – дочь его и не его сидит, плачет, на него, как на самого дорогого, смотрит. Достала салфетки, лицо ему протёрла, а слезы так и капают.

– Давно я так рядом с тобой не была, а вот видишь, как довелось. Говорила с главным, решили так: только можно будет, увезу тебя в кардиоцентр. Я только сегодня поняла, как ты нам нужен. Ты же отец, опора наша, а мы тебя потеряли. Прости, папа, в этом и мы виноваты, и мама, и Валю-

ша. Ты только не переживай, лежи спокойно, я дала главному несколько денег, чтобы препараты посерьёзнее использовали. Вале позвонила, она приехать не может, но в кардиоцентр вырвется. Ты ведь не знаешь, она теперь заместитель начальника нефтеуправления по экономике. А начальник Юрий Тимофеевич, который у тебя инструктором был в райкоме, а потом на Север перевёлся, ты же ему помогал. Я тебе соки оставлю, больше ничего нельзя. Ты сейчас как чувствуешь? Болит? Это нормально.

Он кивнул. Нина вытерла теперь уже его слезы и сказала, что в десять часов приедет и останется до утра. Ганюшкин покачал головой: не надо!

– Около тебя кто-то должен быть всегда, вдруг плохо станет. Не перечь! До вечера.

Когда управляющего банком перевели в область, Нина была начальником кредитного отдела, впереди заместитель управляющего, и он должен занять это место. Ганюшкин тогда погрешил против совести, видел, что девчонка толковая, хочется ей большой работы, позвонил управляющему областной конторой, договорился о встрече. Они были неплохо знакомы, Комольцев его фамилия, часто бывал в районе, а Фёдор Петрович уже был председателем райисполкома. Встретились перед обедом, он сразу высказал свою просьбу, Комольцев отнёсся к ней спокойно, но не отрицательно. В обед поехали в ресторан, пару часов посидели.

– Фёдор Петрович, нам бы ошибки не совершить, а то со-

всем дочери твоей карьеру испортим. Как ты считаешь, справится она? Не по знаниям, по характеру?

Он тогда возгордился своей дочерью, сказал, что хвалить не станет, но характер есть, сумеет все в руках держать. В случае чего – сам обещал поддержать.

– А первый не будет возражать?

– Нет. Он к ней хорошо относится и ценит даже выше заместителя. Ты же знаешь, какие у нас хозяйства, кто-то совсем слаб, кто-то закредитован по самое не могу, а она всегда найдёт способ, чтобы хоть как-то помочь.

На том и порешили.

4

Ночной дежурный врач реанимации оказался действительно человеком совсем другим, чем его коллега. Ему подали историю болезни, глянув на первую страничку, доктор внимательно посмотрел на больного:

– Говорить вы не можете, Фёдор Петрович, потому используем элементы языка глухонемых: согласен – кивок, не так – голову чуть в сторону. Я говорю, чуть, дёргать не надо. Вы меня узнаете?

Ганюшкин поднапрягся, но шум в голове не давал сосредоточиться.

– Несколько лет назад вы вручали мне партийный билет. Помню, улыбнулись: впервые выполняю столь серьёзную миссию. Моя фамилия Струев, Василий Алексеевич.

Фёдор Петрович кивнул.

– Вот и хорошо. По вашей ситуации. Инфаркт серьёзный, но и с таким живут, если очень хочется. Слышали шутку: если человек хочет жить – медицина бессильна. Вам, как я понимаю, жить совсем не интересно. Не возражайте, я в широком смысле. Зина, убери эту дрянь, принеси из резерва. Хотя обожди.

Доктор поднял простыню и стал внимательно, по несколько минут в одной точке, выслушивать сердце. По его лицу больной мог проследить, что его устраивает, а что вызывает

опасение. Опасений оказалось больше, Василий Алексеевич взял его правую руку и нашёл пульс. Тоже, похоже, ничего хорошего.

– Зина, убери все препараты, вот тебе ключ от моего сейфа, на верхней полке стоит флакон в красной коробочке. Принеси его сюда. – И уже обернувшись к больному, добавил: – Это очень серьёзное средство, у меня товарищ по институту работает в Германии, привозит кое-что интересное, у них фармацевтика на порядок выше нашей.

И вдруг Ганюшкину показалось, что он проваливается вместе с палатой, медсестрой, не успевшей убежать, и доктором. Свет погас, и он полетел, распластав руки, в крошечной тьме. Яркие вспышки пугали то слева, то справа, потом стало светло, даже ярко, и он увидел огромный стол с зеркальной поверхностью, посреди которого на алюминиевой тарелке, с какой они в котельной ели огурцы и квашеную капусту, лежало что-то очень ему родное и даже больное. Все ещё в полете он приблизился к тарелке и вздрогнул: это его сердце. Оно было грязным, с рваными краями, все в крови. Но почему-то в тарелке полно груздей, огрызков огурцов, шматков надкушенного сала? Стол из зеркального превратился в грязный с давно немойтой клеёнкой, вокруг тарелки закружились сначала медленно, потом с тошнотворной скоростью бутылки с водкой и ухватанные стаканы. Потом все исчезло, а он полетел вверх, и все внутренности подпирала к горлу от скорости и страха, как это было в далёком детстве, когда

они десятилетними катались на самодельных лыжах с высокой горы, преодолевая страх перед скоростью и стоявшими по сторонам девчонками. Вырвавшись из какого-то замкнутого давящего пространства, он оказался на коленях мамы, совсем маленьким, она гладила его головку и шептала ласковые слова. Он вообще не помнил никаких слов мамы, потому что она умерла, когда ему было десять лет, а до того два года болела нехорошей болезнью и медленно умирала на голбчике за печкой. Он не помнил ни одного её звука, кроме тихих и никогда несмолкающих стонов. Когда маму схоронили, он подолгу не мог уснуть, потому что никто не стонал, а он уже привык к такой страшной колыбельной. Позже он вспомнит, что вот так на коленях мамы сидит на единственной сохранившейся фотографии. Ему три года, мама молода и красива, приезжий фотограф усадил её в плетёное кресло на фоне застиранной простыни.

Сквозь пробуждение услышал голос Василия Алексеевича, звон склянок, шуршание халатов.

– С возвращением, Фёдор Петрович, как мы себя чувствуем? Отдыхайте, дочь вашу я отправил домой, утром девочки скажут ей, что кризис миновал. По крайней мере, кто-то должен чувствовать себя спокойней?!

Прошла неделя. К нему вернулась речь, но он скрывал это от дочери, боялся серьёзного разговора, а медсестры сдали его с потрохами, и как-то в обед дочь вошла с наигранным возмущением:

– Папа, как тебе не стыдно, уже говоришь, а от меня скрываешь. Ты разве уже не любишь свою дочь?

– Нина, врачи с тобой откровенны, скажи, я выживу или все ещё умираю?

Нина влажными салфетками протёрла ему лицо, руки, грудь:

– Господи, исхудал-то как! Эти дни ты был как бы почти там. Василий Алексеевич квалифицирует твоё состояние во вторую ночь как клиническую смерть. Папа, милый ты мой... – Она ткнулась ему в плечо и заплакала. – Я тебя ни в чем не упрекаю и не буду напоминать, только дай мне слово, что больше никогда...

Он кивнул. Она возразила:

– Нет, ты скажи своим голосом. Впрочем, я не неволю, тебе скоро пятьдесят, не мне тебя учить. Но я не хочу, чтобы ты продолжал жить той жизнью.

Он с трудом начал говорить:

– Ниночка, пока об этом не надо. Если я встану на ноги... – его голос задрожал, и он сам себе удивился: оказывается, ещё хочется жить! – Если я выйду отсюда, мы с тобой все обсудим. Валюшу пригласим...

– А маму? Папа, тебе будет трудно без неё, да и она одна. Вы же были такой красивой парой!

Были...

Парнем он был заметным и до армии всегда на виду, секретарём комсомольской организации избирали, спортсмен, симпатичным девчонки признавали. После Афгана вернулся хоть и слабым, но героем, орден Красной Звезды, пара афганских железок. Опять в комсомол, самодеятельность, спорт, молодёжные коллективы на фермах и в бригадах. Фёдор был уверен, что в эту жизнь он пришёл не исполнять чужие приказы, а руководить, приказывать.

И наскочи он в райкоме комсомола на одну девчонку, особой красоты в ней не было, но полнотелая, грудастая, весёлая – прямо по его заказу. И зовут необычно: Лиза. Ганюшкина райком в партийную школу направляет, а она в местный пединститут. В Свердловске такие девчонки попадались Фёдору, что вспоминать больно, а он сразу предупреждал, что готов на все, а жениться не обещает. Не идёт с ума Лизавета, что хочешь делай.

И в партшколе у него дела хорошо шли, завлекла кураторша курса, женщина чуть постарше, но себя блюла и выглядела на двадцать пять. Несколько раз попадался на выпивке, то в городе менты загребут, то в общаге гульбище устроит. Доходило до разговора на партбюро, вот тогда-то кураторша и взяла его за воротник:

– Ты хочешь, чтобы в характеристике твои фокусы отме-

тили? Отметят, у нас такая практика есть. И пойдёшь в школу историю преподавать, не допустят до партработы.

А ближе к концу учёбы напрямую предложила остаться. Квартира большая, работу найти поможет, потом официально распишемся. Он отказался, ладно, что женщина порядочная, перешагнула через обиду и выхлопотала ему характеристику самого первого сорта.

Приехал домой, и Лизавета встречает в секторе учёта кадров, пристроилась. Любовь их разыграла, а первый секретарь Иван Минович Трыль, бывший майор СМЕРШа, мужик суровый: любовь любовью, но это непорядок, когда парторг с работницей учёта встречаются, и черт знает, какие разговоры вокруг этого идут. Дело прошлое, разговоров было много, доброжелатели даже шепнули Фёдору, что сам первый Елизавету жалует, вместе в машине их не раз видели и на лесных, и на просёлочных дорогах. Ганюшкин себя сдерживал, как будто чего-то опасался, а напрасно, если бы тогда все узнал, может, и жизнь по-другому сложилась. Хотя признавал, что не совсем справедливо свои беды только на жену списывать, были и другие обстоятельства.

Выпускника партшколы направили секретарём парткома крупнейшего совхоза, бюро обкома утверждало в должности. Трыль подчёркивал:

– Имей в виду, Фёдор, дорога для тебя открыта широкая, только чтобы на поворотах не заносило.

Фёдор отшучивался:

– Иван Минович, руль и тормоза – главные в нашем деле.

Свадьбу закатали после уборки, директор совхоза шикарный дом им построил, мебель импортную завезли. Гуляли на природе, и хоть жениху не полагается к рюмке прикладываться, не такие у него друзья были. Короче говоря, как в супружеской постели оказался, и как брачная ночь прошла – не помнит до сих пор. Утром встал, из холодильника бутылку коньяка достал, полный стакан выпил и вошёл в спальню. Лизавета его лежит усталая, на него игриво посматривает:

– Взрослый мужчина, а не знаешь, что с девушкой нельзя так в первую ночь.

– Как? – смущённо спросил он.

Она тоже смутилась:

– Ты же меня всю ночь из объятий не выпускал, утром едва в ванной отмылась.

Ганюшкин засмеялся:

– Лизанька, ты не издевайся надо мной, надо быть круглым идиотом, чтобы проспять брачную ночь.

– Ты ничего не помнишь? – изумлённо спросила она, а он видит: плохая актриса, неубедительно. И так ему горько стало: он же целый год на поводу её уговоров, что только после свадьбы, и она строила из себя недотрогу. Коньяк придал твёрдости и достоинства, уже не в первый раз:

– В объятиях я тебя не держал, Лиза, может, это и хорошо. Зато знаю теперь... А как ты убедительно невинность разыгрывала, помнишь новогоднюю ночь? Я даже усомнить-

ся не мог. С такого подлого обмана жить начинать нельзя. Кстати, ты знаешь первооткрывателя Америки?

– При чем тут Америка, Федя?

– При том, что до так называемого первооткрывателя там уже побывал Колумб, но это предпочитают не замечать.

– Я тебя не понимаю...

– Не надо наивности, противно. Ты целый год меня за нос водила, как телка молочного. Не прощу такой низости. Соберись и поезжай к себе. Жить мы не будем. Все!

Лиза заплакала, пыталась что-то говорить, но Фёдор ушёл к инженеру, в соседях жил. Выпили с ним по паре рюмок, и убрался он в свою маленькую холостяцкую комнату при гостинице, там и отсыпался, оттуда и на работу ушёл. В восемь часов директор позвонил:

– Зайди к прямому проводу, первый что-то очень сердитый.

Ганюшкин взял трубку:

– Ты что мне такие кренделя выкидываешь? Жену выгнал сразу после свадьбы! Ты что, с ума сошёл! Такого в жизни не бывало!

– Бывало, Иван Минович, только мы это забыли. По старым русским традициям невеста, обманувшая мужа, изгонялась сразу со свадьбы, а я ещё день терпел.

– Так, чистоплюй хренов, быстро ко мне. Быстро!

Ехал в райком на парткомовском «Москвиче» один, жена, не обнятая и не целованная, была уже там, так он рассуж-

дал. Значит, заведут к первому обоим, и надо будет о столь личных, даже интимных вещах говорить чужому в принципе человеку в присутствии той, о ком идёт речь. Позорная ситуация, но не Ганюшкин её придумал. Поймал себя на том, что думал о Лизе как-то отрешённо, словно и свадьбы не было два дня назад, и бурных поздравлений всего партактива, и лихого застолья на лесной поляне. Когда первый секретарь громко объявил тост «за молодых!», Лиза налила ему полный фужер коньяка и шепнула на ухо:

– Гордись, нас первый секретарь венчает, это дорогого стоит, Федя!

Он с удовольствием выдержал фужер, после очередного предложения «за молодых» фужер вновь оказался полным. Он посмотрел на Лизу, она благодушно повернулась к подруге. Черт, странная получается картина! Когда он откровенно начинал злиться на её неуступчивость, Лизавета обнимала, нежно и страстно шептала, что он получит все сразу, но только после свадьбы. Да, а в эту новогоднюю ночь, когда он, хорошо выпивший, решил своего добиться окончательно, она, уже полураздетая, вдруг заплакала, неуклюже укрывшись одеялом.

– Ты совсем меня не любишь, Федя. Сам говорил, что невеста должна быть чистой. Говорил? А мне что предлагаешь? Я очень тебя люблю, Феденька, но... не могу согласиться. Пусть будет, как ты говорил...

Даже в не совсем свежей его голове кое-что стало прояс-

няться. Значит, год она водила за нос, оставив все на потом, а все, что будет «потом», разыграла, используя его слабинку. Вдруг вспомнилось, что она ни слова не сказала, когда они с ребятами отошли в сторону, прихватив блюдо горящих котлет и пару бутылок водки. Вскоре уехали все секретари райкома, осталась партийная и комсомольская молодёжь, гуляли до глубокой ночи, пока накрапывающий дождь не разогнал дружную компанию. Дежурная машина увезла молодожёнов в новый дом, и больше он ничего не помнит.

Надо непременно встретиться с Лизой, к тому времени опыт научил его не делать скоропалительных выводов, какой бы очевидной ни казалась ситуация, и тут не все было однозначно. Лиза ему нравилась, и она любила, он уже умел отличать простые увлечения от настоящих чувств. Развод сразу после свадьбы, прошедшей с такой помпой, будет событием на весь район, первый, конечно, с работы выпрет, он такого позора не потерпит.

Лиза ходила вдоль райкомовского садика, конечно, его ждала. Он не стал выходить из машины, разговор молодожёнов среди площади... Она села в приоткрытую дверь.

– Федя, ты понимаешь, что делаешь? Мало того, что из-за глупых подозрений ты поднял меня на смех, первый тебя в порошок сотрёт, ты же его знаешь. Успокойся, если ты патологически подозрителен, давай сходим к гинекологу, хотя это противно и стыдно. Федя, мы с тобой муж и жена, ну, что ты молчишь? Ведь я люблю тебя и всегда любила, с тех

самых поцелуев в комсомольском кабинете? Помнишь?

Да, она была хорошим психологом. Он почувствовал, что уже берет вину на себя, что ничего особенного не произошло, надо только замять эту проблему у первого. Тогда он ещё не понимал, что просто опасался за свою налаживающуюся карьеру.

– Посиди здесь, я пошёл наверх.

В приёмной Зинуля вежливо и с намёком улыбнулась и предложила сразу пройти:

– Ждёт, не принимает никого. Счастливо, Фёдор Петрович!

Трыль в сложных вопросах разбирался быстро и основательно, решения принимал без особого голосования. Сейчас не встал по обыкновению изо стола, руки не подал, кивнул на стул.

– До какого позора ты дожил, Фёдор! Я считал тебя порядочным человеком, а ты домостроевские порядки в доме с первого дня начал заводить. Ты меня прости, мы мужики и можем рассуждать прямо: что тебя заело? «Невеста не девушка!» А ты, можно подумать, кристально чист! Знаю я все твои похождения и здесь, и в Свердловске. Ты думаешь, она не знает? Знает, но любит и простила все. А ты? И почему не говоришь, что вообще ни хрена не помнишь? Девушка она или не девушка – она в любом случае жена твоя официально, а ты её муж. Скажу начистоту, Фёдор: нравится мне твоя Елизавета, но – года мои ушли. Правда, несколько раз

приглашал её к хорошим товарищам в гости, возможно, люди видели, возможно, и ты знаешь. Но совершенно ничего лишнего, просто приятно общество красивой девушки. Молчишь? Тогда я вот что скажу. Надо эту ситуацию снять, я переведу тебя заведующим орготделом, конечно, ты не готов, но хватка есть. Дом строит дорожный начальник для себя, хитрит, но я-то знаю, потому отберём и вас вселим. Если не согласен – партбилет на стол, трудовую получишь в секторе учёта у супруги, кстати. Ну, как тебе мой план? Лизу приглашать? Поедешь пока из совхоза, дорожник уже пола покрасил, на той неделе перевезёшь вещи. Все, свободен.

Ганюшкин вышел из кабинета ошеломлённый, Зинуля молча проводила взглядом до двери, в коридоре никого не оказалось. Лиза сидела в машине и напряглась, увидев его. Фёдор сел на своё место, ждал вопроса – она молчала, ему говорить не хотелось. Завёл мотор, она взялась за ручку двери, он опередил:

– Сиди. Поедем домой, там все объясню.

Совсем некстати вспомнилось недавно услышанное: американка держит мужа деньгами, итальянка грацией, а русская парторганизацией.

Лиза по дому не ходила – летала, быстро сделала обед, достала бутылку коньяка, налила две рюмки. Он подвинул фужер и перелил коньяк из рюмки, добавив из бутылки.

– За что будем пить, Федя? – боязливо спросила Лиза.

– За молодых! – с нажимом ответил он и выпил свой ко-

ньяк.

Был брачный день, они были молоды и горячи, Лиза плакала, лаская его, и говорила, говорила, словно заполняя словами пространство, чтобы в него не ворвались другие слова. Подогретый коньяком, он чувствовал себя счастливым мужем. Потом так будет почти всегда...

6

Вряд ли можно придумать более жестокое, чем принуждённое одиночество. Вставать не давали, к утке и её каж-додневному позвякиванию он уже привык, страшно мучило желание выпить, хоть глоток вожденной жгучей жидкости. Доктор-доброхот, так выручивший его первым утром, не появлялся, сестры не дадут, и не проси, им строго наказано, го-ворить бесполезно. Когда в ночное дежурство пришла мед-сестра, учившаяся вместе с Ниной и узнавшая его, он акку-ратно с нею заговорил:

– Скажи, дочка, правда, что умирают после пьянки, по-тому что организму нужно было пятьдесят грамм алкоголя, а ему не дали?

Она улыбнулась:

– Это правда, организму нужен толчок, а его нет, сердце работает из последних сил, но чего-то в крови не хватает, я уж и забыла, как называется.

– Я бы никому другому не сказал, только тебе, ты вро-де изо всех самая добрая. Плесни мне в мензурку пятьдесят грамм спирта, мне очень плохо.

Девчонка смутилась, но, судя по тому, как воровато она оглянулась, он понял: нальёт.

– А если вам станет хуже, что я скажу доктору?

– Ничего. Ты ничего не знаешь. Да не будет мне плохо,

не бойся.

Она молча ушла к шкафу и вернулась с полной мензуркой и стаканом воды. Он выхватил склянку, жадно, в один глоток проглотил чистый спирт и отодвинул предложенный стакан.

– Спасибо, милая, дай Бог тебе хорошего жениха.

Девчонка засмеялась:

– А у меня уже есть!

Блаженство прокатилось по истерзанной душе, знакомое состояние облегчения звало к действию, хотя он и понимал, что все это только на полчаса, не больше. Потом опять дрожь внутри, боль в сердце, уколы и капельницы.

Странное дело, и доктор, и Нина советовали думать о чем-нибудь приятном, не нагружать сердце переживаниями, но вспоминались только случаи, связанные с пьянкой, с хорошим застольем, а из последних времён сплошное месиво из грязных комнат, грязных собутыльников и грязных разговоров. О чем приятном? А, вот моё первое поручение, я вручал юбилейные медали. Их привезли спецсвязью в нескольких коробках, не помню точно, но много. На бюро райкома распределили сельсоветы и написали график проведения собраний трудящихся. В совете, который выпал на его долю, было четыре деревни, секретарь райисполкома отсчитала нужное количество медалей и передала заполненные от имени Верховного Совета РСФСР удостоверения. Собрания были назначены с интервалом в час, потому что вручение занимало совсем немного времени, а потом самостоятель-

ность ставила концерт.

В первой деревне все обошлось, из центральной конторы приехал парторг, прямо в клубной убогой гримёрке выпили по стакану с ним и управляющим отделением. Во второй тоже все прошло как по маслу: вручение, аплодисменты, поздравления поддатого парторга и концерт. После первой же песни он вышел и поехал на центральную усадьбу. В доме культуры собралось все село, награждённых было человек пятьдесят. У него рука устала от пожатий. Когда все закончилось, директор совхоза показал на часы:

– Фёдор Петрович, пора ужинать.

– Какой ужин, у меня ещё полбалетки медалей, надо ехать, народ ждёт.

Директор успокоил:

– Я уже позвонил, они вперёд концерт начнут, а тут и мы подкатим. Поехали в столовую.

В столовой все было, как всегда: на столе батарея бутылок, толстая повариха несёт тазик с горячими пельменями, на соседнем столике кастрюля с котлетами. Вот о котлетах. Нигде он не едал столь вкусных котлет, какие приготавливали бабы в совхозных столовых. Пышные, сочные, большие, величиной с рукавичку. И непременно к ним гарниром картофельное пюре – почти воздушное, на свежих сливках.

Посидели минут сорок, но плодотворно, чуть не до песен. Ганюшкин глянул на часы: пора. Директор совхоза велел поварихе сложить котлеты и пару бутылок со стаканами в ко-

робку и поставить на стол. Поехали на исполкомовской машине, водитель Володя, конечно, за столом сидел, но водки не пил. Через три километра директор заезгозился:

– Фёдор Петрович, надо тормознуть.

Тормознули, что называется, отлили, сели в машину – он свет включает и открывает коробку. Ганюшкину это не понравилось, но промолчал, выпили по стакану, съели по котлете. Директор, Фёдор Петрович никак не мог вспомнить его фамилию, начал рассказывать анекдоты, сам громче всех хохотал, а Ганюшкин этого не любил и сделал грубое замечание.

Когда приехали к клубу, он шарнул по заднему сиденью – балетки нет, включил свет, выгнал из кабины директора – нет балетки, значит, и медалей нет. Нельзя сказать, что Ганюшкин протрезвел, но в чувства вошёл. Это тот кабан на заднем сиденье возился и выпихнул балетку, когда останавливались. Директор подозвал управляющего и сказал, что медалей на всех не хватило, Фёдор Петрович привезёт в следующий раз.

Поехали обратно. Остановились там, где могли обронить. Фёдор ногами разгрёб снег в радиусе десяти метров, ничего, кроме трёх жёлтых пятен, не нашёл. Это был конец. Как завтра докладывать первому?

Полежал, одумался: выбрал положительный пример, называется. И все они такие...

В это утро все было против него: и безжалостное, яркое, жаркое, палящее солнце, слепо уставившееся прямо в рожу, и неумолимые продавщицы, исполняющие закон, чтобы до одиннадцати ни один русский мужик не мог похмелиться, и безразличные проходящие мимо чужие люди, равнодушные, как осенние мухи. Вот начни помирать среди этой толпы – думаешь, кто-то остановится, чего-то спросит?

Филимон не любил город и ездил сюда редко, когда жене Симке надоедали его пьянки и она предлагала обратиться с глаз к дружку его Артёму, фронтовому товарищу, который после войны махнул на производство, хотя колхоз даже через суд пытался его достать. В таких случаях Симка поднимала тяжёлую крышку родового сундука, и крышка показывала чудную картину, которою Филимон восхищался всякий раз. Весь испод крышки был уклеен облигациями, сильно похожими на деньги, но даже Фимка, самая бестолковая продавщица, за такую красоту и четушки не даст. Отгораживаясь широким задом от любопытства мужа, Серафима добывала со дна сундука свёрнутые в рулончик деньги и отчитывала двадцать пять рублей рублями и трёшками.

До района в таких случаях Филимон добирался с удовольствием, подсев на попутную машину промкомбината, они часто ходили, потому как район сжигал дров много, а деляны

выделяли только в местных лесах. Потом автобусом до станции, а перед тем в киоске брал бутылку портвейна и выпивал из горлышка, закрывшись в полуразбитом туалете автовокзала и придерживая дверь одной рукой.

В этот раз, отпив половину, Филимон блаженно откинул голову и зажмурился: так хорошо прокатилось вино в организм, что ни один микроб не возмутился и не возразил, мол, с утра и на голодуху, а бывало, что и отторгал организм, как из брандспойта вылетала струя вермута или портвейна. Но для Филимона то был особый знак: организм очистился, теперь покатит. И катило. Он хотел закурить, но возиться с бутылкой неловко, и в карман пиджака не поставить, и на полу чистого места нет, все загажено. Он хохотнул, вспомнив туалет на железнодорожном вокзале, чистенький, прямо как в избе. Только стены поисписаны всякими скабрёжными стишками. Присел по нужде, а на стене каким-то особым карандашом выведено: «На чистых стенах туалета писать стихи немудрено. Среди говна вы все поэты, среди поэтов вы говно!» Это же надо, как человек, сидя на корточках, так складно сочинил про этих придурков!

Вперёд Артёма встретила гостя кума и землячка Васса Трофимовна, баба ещё шире Серафимы и намного злее:

– Припёрся! Гостенёк хренов! Гостинцев-то дивно навёз? Или одних вшей на сраных кальсонах?

Артём вышел, он спокойный, сзади ткнул бабу в затылок, она и села на крыльцо:

– Ты не с ума ли сошёл, культя твоя, как железная, убьёшь когда-нибудь сдуру.

– Возможно, и такое случится, ежели ты будешь мово друга и товарища гадить. Мы с ём смерть принимали и вшей кормили. Да, бывало, отогнёшь ошкур кальсон, и начнёшь их давить, как фашистов. И после этого ты моего боевого товарища... Да ты должна булку хлеба на вышитом разотрёте вынести.

– Ага, бутылка самогонки не ближе ли к душе будет?

Артём самогон гнал хороший, чистый, закрашивал всем, чем можно. Однажды Филимон прочитал в газете, что нет ничего лучше для очистки самогона, чем парное молоко. Приехал к другу, Артём на слово не поверил, решил посмотреть, что из того получится. Сходил в конец улицы, там горожане втихушку держали коров, купил литру парного молока и скорым шагом домой. Из литровой банки отлил в стакан сто грамм самогонки, образовавшееся пространство залил молоком. Оба с интересом наблюдали, что же будет? Молоко свернулось и выпало в осадок вроде жидкого холодца. Артём процедил самогон, получился отход с хороший стакан.

Филимон стыдливо молчал, Артём молча выплеснул осадок и сказал, что такая технология для разумного хозяина расточительна, но стакан товарищу все-таки налил. Тем и кончилось.

А в этот раз мужики остались вдвоём, Вассу дочь вызвала с другого конца города с больным ребёнком посидеть. То-

то разыгрались ребята! Выпивали не спеша, без оглядки, что наскочит оказия, вышибет стакан, как это уж бывало. Артём, грешным делом, Василису бил походя, характер такой, чуть что скажет невпопад, а то и просто со своей злости – культей в рыло. Руку на войне изувечил так, что на место пальцев стянул хирург шкуру и зашил в кулак, такая страшная культя получилась. Но Артюха и левой рукой научился владеть, что хошь сварганит, почище двурукого. Ребят настрогал пяток, все в городе пристроились. Дом поставил, когда в лесничестве околачивался, в неделю по брёвнышку, в день по плашке, и задарма выстроил. Выпивал, конечно, но с Филей не сравнить, потому и боялась его приездов Васса, потому и отправляла в гости к Артёму своего алкоголика уставшая Серафима.

К вечеру первого вольготного дня Артём, закусив большим малосольным огурцом и сошвыркнув с верхней губы прилипшее семечко, спросил:

– Кум, в деревне меня так Беспалым и зовут?

Филимон насторожился, кто знает, что у него на уме, Васьки нет, а вдарить, наверно, охота.

– Да нет... – лениво протянул он. – Не шибко. Так разве кто...

Артюха встал:

– Приеду – убью. Я, браток, собираюсь домой вернуться, не помирать же на чужбине. А там тятя с мамой зарыты, сестра, дед Яша... Ты его помнишь? Сопляками были, напак-

стим чего – он прутиком по жопе, и не убьёт, и помнишь долго. Ты помнишь его опорки?

Филимон мотнул головой:

– Не помню.

– Пимы обрезанные у него были, он в них даже летом ходил. А мы в отместку за прутики мочились ему в опорки. – Артём сел и заплакал: – Не могу больше так, не приемлет душа чужбину, домой хочу, Филимоша! – Он крепко обнял друга: – До смертной тоски дохожу, сны вижу про нас с тобой, как рыбачили, огурешничали, бывает, по всей ночи копны вожу к стогу, а метальщика нет, складывать некому. Беру вилы и начинаю метать стог. До того нароблюсь, что мокрехонькой проснусь. И плачу впостоянку. Ночью. Баба бояться стала, сама говорит.

Филимон допил остатки из стакана и кивнул:

– Тебе, дружок, переехать – как два пальца... – Испугался про пальцы, скомкал: – Короче, дом свой продашь, ты в деревне председательские хоромы купишь.

Артём встал над столом:

– А нахрена мне хоромы? Ково в их делать? Куплю пятистен, да чтоб банька, чтоб пригончик для поросёнка, для курей. Василиса – она знашь какая?! Она и тут держала чуть не колхоз, ведь пятеро их, дармоедов, да у каждого по паре робят. И всем жрать надо. Филька, не мои ребяташки, вот те крест – не мои, потому как робить не умеют и не желают. А вот трёхлитровую банку сметаны привезу, внукам ещё

не плеснули, а сынок уже с ложкой. Тьфу, твою мать! Советская власть всю семью раком поставила, дети отца не почитают, внуки с бабушкой могут даже не поздороваться, ты понял?

Филимон с простоты своей и скажи:

– Артюха, при чем тут советская власть? И мы с тобой в бабушкины опорки прудили.

– Это другое, прудил, но боялся и почитал, если дед что скажет – попробуй не сделать! А эти... Домик мне подберёшь, письмом сообщишь, приеду смотрины делать.

Утром за Артёмом приехали с завода, остановился какой-то станок, а весь секрет у него. Посадили в кабину и увезли. Но Артём бутылку самогонки другу налил, спросил про деньги на билет и уехал. Всё случилось как-то вдруг, опохмелиться не успели, Филимон без этого не мог, потому у запертых на ключ ворот, суетливо вынув из авоськи бутылку, долго дрожащими руками выколупывал туго забитую другом пробку, до того докрутился, что бутылка выскользнула из влажных рук и расколосась об асфальт. Филимон с тоской и слезой смотрел на многочисленные ручейки, но припасть к ним невозможно, всю грязь собрала самогонка. Помолчав, он подался в сторону вокзала, знал, что по пути встретятся три или четыре магазина. Но время раннее, только что восемь, продавцы даже не смотрят, не то, чтобы говорить. В маленьком магазинчике, где кроме хлеба, водки и кильки в томатном соусе ничего не было, он дождался, по-

ка вышла женщина с авоськой, и подошёл к прилавку:

– Дочка, не дай душе погинуть, отпусти четушку водки.

– Нельзя, дядя, меня штрафанут или турнут с работы.

– Ведь сдохну я, сердце совсем не робит. Стыдно мне перед тобой, но отпусти, не губи.

Продавщица глянула в окошко:

– Быстро давайте деньги, – а сама уже завернула посудинку в кулёчек, словно карамельки. Филимон взбодрился, но тут же осёкся: а где выпить? Голая улица, народишко бежит, ни куста, ни туалета. Дошёл до переулка, спустился к реке, и там не лучше: пляж, сколько глаз видит, все люди и люди. Подошёл к воде, смочил голову. Легче не стало. Так и шёл вдоль воды, все вроде прохладней. А сердце колотилось, пот заливал глаза, он вытирался рубахой. Дошёл до моста, крутая бетонная лестница наверх издали испугала: как подниматься на такую высь? У самого основания лестницы толпа людей, три фуражки милицейских заметил, решил переждать. Кого-то на носилках потащили наверх, народишко рассосался, Филимон пошёл подниматься и остолбенел. Перед ним была лужа ещё не успевшей загустеть крови, где темнее, где светлее. Оказывается, парня только что зарезали. Филимон с помутившимся сознанием обошёл лужу, на фронте всего насмотрелся, а теперь отвык, голова кружилась и подташнивало. Кое-как поднялся наверх, опять люди, опять жара и сердце стучит так, как будто выпрыгнет. Увидел вывеску: «Кафе», сообразил, что должен быть в этой

кафе туалет, приподнял тюлевую занавеску двери.

– Ты чего хотел? – строго спросил старик, опрятно одетый в какую-то странную форму.

– Мне бы в туалет на минутку, будь любезен.

– Ладно, только быстро.

Филимон плохо помнит, как залпом выпил из горлышка четвертинку, как быстро благодарностью отозвалось сердце, перестав стучать и ныть, как разом исчез пот и стало легко и радостно. Посудинку аккуратно поставил за унитаз и первый раз за день улыбнулся: «Эвон я как: будьте столь любезны!» Не сдогадайся, что есть такие слова, – точно сдох бы, это уже с вина гореть начал, с полчаса побрякало бы сердечко и остановилось. Сколько оно может такие нагрузки терпеть? Филимон подсчитал как-то по секундной стрелке часов «Победа»: сто двадцать ударов каждую минуту.

Из кафе вышел уже человеком, на вокзале попил пивка, ещё четвертинку прихватил в дорогу. Домой прибыл поздно вечером, Серафима не ругалась, отправила в теплую баню, постелила чистое белье и ушла в маленькую спальню. Филимон лёг и быстро уснул.

А было время, что Филимон Бастрыков гремел по всей округе, никто столько зяби за осень не вспахивал, сколько он. Это уж когда «Кировцы» пришли, тогда стали до тысячи на трактор вытягивать, а он на «пятьдесят четвёртом» выгонял к самой тысяче. Так, по-военному, звал он свой трактор, как «тридцать четвёрку» свою фронтovou, и дом, и ночлег, и гроб при случае. Сначала были у него прицепщицы, молодых девчонок, войной обездоленных, направлял бригадир к молодому трактористу, но быстро от этой политики отказался: резко упала производительность, привёз паренька:

– Успокоение твоей душе, Филимон. Ты не только зябь мне завалишь, через год все ребятишки в деревне на тебя похожими станут рожаться. Ну, сироток защитить некому, а за Симку Тимоха грозился тебе кое-что оторвать, так что – либо сватов посылай, либо паши до вечной мерзлоты, ну, до глубоких морозов, можа, позабудет.

Филимон кочевряжиться и судьбу испытывать не стал, после уборки свадьбу стогошили, а потом и ребятишки пошли. Первую медаль Филимон три дня обмывал, все в стакан с самогонкой опускал, пока краска на колодке не полиняла, и сама медалька чернеть начала. Потом ему покатило: трактор новый кому – Бастрыкову, потому что ударник. Потом в партию вступил, вовсе на почёт: коммунист. Рабо-

тал как каторжный, и когда инженер заметил, что тракторист под хмельком, а под ногами трёхлитровая банка с брагой, его успокоили:

– Филимона и пьяного никто не обойдёт. Ты, инженер, человек приезжий и нраву нашего не знаешь. Тебе что, целоваться с ним, что от него перегаром пахнет?

Инженер был до глубины души оскорблён:

– И это говорит управляющий отделением!? Да как вы собираетесь строить светлое будущее с таким подходом? Бастрыкова надо снимать с трактора, пока он не натворил чего дурного.

– Ага, Бастрыкова снять, а тебя посадить. И будем мы пахать зябь до морковкиного заговенья.

А Филимон в тот год не только по району – по области первое место занял и к Новому году получил большой орден. Тут он особо отличился. В районной столовой после награждения устроили ужин с выпивкой, орденоносца директор рядом посадил, между собой и парторгом. Директор спиртного не принимал, а вот парторг, Ганюшкин его фамилия, выпивал с рабочим человеком с удовольствием, кое-как водитель втиснул их в легковушку.

Первый «Кировец» тоже Бастрыкову отдали, весь совхоз сбежался смотреть, как он прицепил семикорпусный плуг и пробовал пахать на паровом поле рядом с мастерской. Пробу оценили, завтра пахать после однолетников у Лебкасного лога.

Филимон собрал несколько человек своих друзей-механизаторов, все-таки хоть и все равны, а трактор ему дали, а это заработок, почёт. Хорошо посидели, на рассвете жена разбудила:

– Тебе ещё на МТМ бежать, да ехать сколько. Вставай.

Умылся кое-как, сел за стол.

– Налей стаканок.

– Филя, какой стаканок, на сумашедчий трактор сядешь, да плуг такой, тут и трезвый не углядит. Как хошь, не налью.

Встал сам, вынул бутыль самогонки, налил стакан и литровую банку.

– А это куда? – испугалась Серафима.

– Чего ты раскудахталась? Цельный день сидеть в кабине – это тебе не похлёбку варить. Уйди из дверей, мне бежать надо, а то собью.

Ближе к обеду совхоз облетела весть: Бастрыков уронил новый «Кировец» в Лебкасник.

– Сам-то живой?

– Холера ему сделатся!

– Выпрыгнул!

Говорят, директора только парторг за руку поймал, а то ударил бы подлеца, так и сказал:

– Подлец! Мы столько лет этот трактор ждали, такая надежда на него была, а ты по своей пьянке все загубил. Не прощу! Под суд пойдёшь!

Филимона трясло от пережитого страха. Пахать он начал

от оврага, всякий раз разворачиваясь и задним ходом подгоняя плуг под самый край. Не рассчитал, поднятый плуг качнулся и чуть приподнял трактор, тут, видно, с испугу и спьяну Филимон и выскочил из кабины. Трактор катился сначала на колёсах, а потом стал кувыркаться с боку на бок, пока кабиной вниз не упал в основание лога. Судили Бастрыкова, дали принудиловки сколько-то лет с вычетом, тогда и закончилась трудовая слава орденосца. Пошёл в животноводство, а там знамо дело – все лето один в лесу со скотом, совсем спился Филимон.

Ещё один раз попал под статью, в аккурат на День Победы выпили с друзьями за праздник и по домам. Жена кладовку закрыла и не даёт самогонки. Филимон спорить не стал, бросил в горнице посреди пола фуфайку и уснул, а тут тёща в гости припёрлась через всю деревню и решила порядки навести. Ведь знала же, какой зятёк неловкий, нет, ворвалась в горницу и пнула носком сапога прямо в Филину пятку. А это же самое слабое место, говорят, в каких-то странах даже до смерти добивают по пяткам. Конечно, это нехорошо. Вот и Филимон сразу взревел медведем, вскочил, а тёща с женой с перепугу вместо того, чтобы к людям бежать, в маленькую горенку кинулись. Тут их Филимон и прижал. Старую бердану со стены сорвал, чем-то чакнул и орёт:

– Я вас, гнилое семя, одним выстрелом положу!

Те в угол забились, никакого понятия о состоянии оружия не имеют, плачут:

– Филя, прости, – стелется тёща. – Видит Бог, случайно я тебя задела. Прости!

Филя помолчал:

– Прощу, но самогонку сюда. Куда вы обе?! Симка, одна иди, а тёща-матушка в заложниках будет. Стаканы неси, три, и закуску.

Серафима все принесла, Филимон налил по полному стакану каждому:

– Давайте, девоньки, со Днём Победы!

– Филя! – взмолилась тёща. – У меня печень!

Филимон за ружье:

– Пей, иначе пристрелю, и суд меня оправдат, потому как в День Победы!

По одной выпили, он по второй наливает, опять слезы и угрозы. А уже через полчаса из Филимоновского дома дубасили песни на три фальшивых голоса, и никто даже предположить не мог, что мужик и на этот раз пострадает. Угрозы тёще и жене суд под дружный хохот деревни простил, но Серафиму оштрафовал за самогон, а Филимона за незаконное хранение оружия, хотя известный охотник Ким по прозвищу Картеча, которому суд предложил осмотреть ружье, засмеялся и сказал, что это не ружье, а хлам, и рук своих охотничьих он об него марать не станет.

Непьющий человек не имеет права осуждать пьющего, только тот, кто знает, что такое полный стакан водки, стоящий утром на табуретке у твоей кровати. Стакан, оставлен-

ный от вчерашнего изобилия, потому что повезло, была хорошая халтура, и много дали водки, хоть и палёной. Так вот только тот человек, кто знает цену этому стакану, и может упрекнуть. Но он не упрекнёт, потому что знает. Выходит, никто не должен, никто не имеет права.

К этому заключению Филя подошёл только недавно, когда никто не стал вмешиваться в его жизнь, он жил, как птица из писания, которая не сеет и не пашет, но сытой бывает. Никто не гнал и не позорил его, как было при совхозе. О, Филя прошёл все испытания, придуманные советской властью для пьющего человека: от обсуждения на собраниях и заседаниях месткома, когда люди, ещё утром бывшие простыми, как медный пятак, за столом профкома приобретали образ праведников и судей, взывали к совести, грозили увольнением и лишением тринадцатой зарплаты, до принудительного лечения в так называемом ЛТП при кирпичном заводе и вершины медицинской мысли: рыгаловки в широко известной лечебнице Челябинска. Хотя он всегда говорил:

– Вам не понять. Я не водку покупаю, а настроение.

Все, кто знал Ганюшкина, считали, что он не просто в рубашке родился, а в костюме-троечке, потому что все ему с рук сходило, и первый секретарь Трыль откровенно ему покровительствовал и покрывал. Когда обком забрал председателя райисполкома, Трыль лично повёз в область на согласование кандидатуру Ганюшкина, хотя решение бюро о рекомендации не принималось, Трыль подписал его без обсуждения. Откровенно, Ивану Миновичу нравился этот бесшабашный молодой человек, прямой и откровенный, грешивший, но и умевший каяться, а Трыль никогда не рубил согбенных голов.

Опытный контрразведчик, Трыль хорошо чувствовал границы дозволенного, и первый секретарь обкома к предложению рекомендовать на председателя райисполкома – заведующего орготделом райкома, отнёсся с недоверием, но не оттолкнул, не сказал сразу: «Да ты что, Иван Минович, где это видано...» Трыль такой поворот допускал, потому что без практической хозяйственной работы никого ещё на райсовет не выдвигали. И он осторожно гнул свою линию:

– Согласитесь, Григорий Иванович, что времена меняются, у нас сегодня на всех хозяйствах люди с высшим образованием, специалисты, и мы считаем, что сейчас отсутствие опыта конкретной хозяйственной работы не может быть пре-

градой для продвижения инициативных и умных людей.

Первый секретарь обкома ценил Трыля за умелое руководство, он чётко выполнял все установки, район справлялся с планами, сам воспитывал кадры, никого не просил со стороны и даже делился с соседями.

– Хорошо, – сказал первый и встал, давая понять, что разговор окончен. – Направь ко мне этого карьериста дня через два. На пятницу. Но – предупреждаю, согласие моё предварительное. Ты у Лырчикова был?

Председатель облисполкома Лырчиков о Ганюшкине знал, с Трылем у них были товарищеские отношения, потому Иван Минович, упрекнув друга в недавнем заимствовании кадров из района, намекнул, что тот просто обязан поддержать нового выдвиженца.

– Кого-то с хозяйства берёшь? – спросил он.

Трыль засмеялся:

– Старыми представлениями живёшь, Павел Гаврилович. У меня есть несколько интересных ребят, в связи с этой перестановкой я говорил с первым об одном из них, это заведующий орготделом райкома, первый согласился.

Старый лис Трыль брал товарища на пушку, но он слишком хорошо его знал, чтобы опасаться перепроверки. Лырчиков только усмехнулся:

– Вечно у вас эксперименты. Ладно, решай с первым, я возражать не буду.

Поэтому на вопрос первого, был ли у Лырчикова, Трыль

честно ответил, что разговор с Павлом Гавриловичем состоялся и возражений с его стороны нет.

Рано утром Трыль позвонил Ганюшкину на квартиру:

– Спишь? Быстро завтракай и ко мне.

В кабинете внимательно посмотрел на вошедшего, отметил белоснежную рубашку и хорошо проглаженный костюм, свежее лицо и ясные глаза своего выдвигенца.

– Садись вот сюда, поближе, а я напротив сяду. Фёдор, ты знаешь, как я к тебе отношусь. Причины такой привязанности не знаю, возможно, напоминаешь мне сына, которого я нелепо потерял ещё до приезда в район. Не знаю. Ты умный парень, толковый, много положительных качеств, но есть одно, чего я опасаясь. Ты любишь выпить, любишь компании, шум, гам. Говорят, к женщинам не равнодушен, но Лиза пока не жаловалась. Скажи, ты контролируешь свой интерес к спиртному?

Ганюшкин смутился:

– Конечно, Иван Минович.

Трыль поднял руку – жест, который Фёдор знал: «Не надо преувеличивать!»:

– Не переоцени себя, Фёдор. Я неоднократно замечал, что ты приходишь с документами явно после ста грамм коньяка. Федя, я столько лет не пью, спиртное за километр чую, а ты пытаешься меня обмануть. Я все знаю. И на бюро ты являешься подшофе. Тебе кажется, что все это нормально, выпил, работа делается, никто ничего не замечает. Замеча-

ют, Фёдор, и тебе об этом говорили. Удивляюсь, почему ты сегодня как огурчик? Объяснишь?

Ганюшкин засмеялся:

– Иван Минович, что же вы меня совсем в алкоголика превратили. Да, бывает, не совсем вовремя приходится принять рюмку, но это же не система...

– А должна быть система! – Трыль ударил в стол кулаком. – Система, в хорошем смысле, понимаешь? Пить надо систематически, скажем, раз в месяц, раз в неделю, но не всякий раз, когда рюмка на столе. Я об этом с тобой говорю так откровенно, потому что хочу, чтобы ты стал большим человеком, сегодня на бюро буду рекомендовать тебя на должность предрика. Потому ставлю вопрос так: если у тебя нет уверенности в себе – скажи сейчас, завтра будет уже поздно. Если ты продолжишь это пагубное увлечение, я не смогу тебя защитить и ты вылетишь из жизни. Я не пугаю, таких случаев на моем веку предостаточно. Итак, что ты мне ответишь?

Трыль видел, как загорелись глаза, как румянец выступил на бледноватых щёках Ганюшкина, и кивнул сам себе: правильно, хорошо, что волнуется, значит, понимает всю ответственность.

– Иван Минович, у меня нет опыта работы в хозяйстве, едва ли в обкоме поддержат, даже если здесь у нас все пройдёт.

Трыль встал и перешёл в своё кресло:

– Почему ты уходишь от ответа? Пройдёшь или не пройдёшь – это мои проблемы. Я жду твёрдого слова мужчины.

Ганюшкин встал:

– Иван Минович, я вас не подведу. Даю слово.

Трыль улыбнулся:

– Вот так-то лучше. Назначай бюро на два часа.

Ганюшкин прошёл к себе в кабинет и велел секретарше Кате отключить его телефон и «Меня нет». Сел на широкий диван, который все собирался выбросить, но оставлял, потому что незамужняя Катя иногда задерживалась и, когда все сотрудники уходили, приносила бумаги на подпись, пока он подмахивал листы, терпеливо ждала, наклонившись над столом. Если он поднимал на неё глаза и улыбался, она кивала:

– Я все закрыла и отключила.

Да, давненько это началось. Ганюшкин собрался в область сдавать наградные документы на передовиков сельского хозяйства, и заворг райкома посоветовал взять с собой машинистку, потому что изменения будут непременно, а ждать, когда обкомовские дамы сделают перепечатку, долго и нервно. Он пригласил недавно принятую девушку.

– Катя, вы хорошо печатаете на машинке?

– Не очень быстро, но я учусь.

– Со мной в область должна поехать машинистка, но Антонину Петровну в её возрасте отрывать от дома сложно.

Катя улыбнулась:

– Я поняла, Фёдор Петрович, могу ехать хоть на неделю, у нас с мамой хозяйство небольшое, она управится.

Ганюшкин понял, что Катя не замужем, но как-то в тот момент не придавал этому значения.

– Имейте в виду, жить будем в гостинице, потому что вечерами придётся переделывать документы. Сейчас оформляйте командировочные на меня и на себя, получите деньги. Возьмите все необходимое, по магазинам ходить не будет времени. Паспорт не забудьте. Володя знает, где вы живете? Вот и хорошо, в пять утра он подъедет.

Дома ничего про Катю не сказал, выпил вечерний бокал коньяка и ушёл в кабинет. Утром взял приготовленный, как всегда, праздничный костюм с несколькими рубашками, пакет со всякой мелочью, необходимой в командировке, портфель с документами. Володя ровно в пять просигналил у ворот. Поздоровался, сел впереди, Катя тихо прижалась на заднем сиденье.

Наградные документы проходили сложно. То и дело ему возвращали пачку бумаг с просьбой уточнить производственные показатели. По рабочему классу куда как просто: не устраивает выработка на трактор – увеличим, намолот комбайнёра не тянет – добавим несколько десятков тонн, надой на корову у доярочки не смотрится – дотянем. А вот с руководителями сложнее, статистические показатели у заведующего сельхозотделом Устюжанина и секретаря обкома по селу Кузнецова перед глазами, баловаться нельзя, приходится нажимать на организаторскую работу, внедрение хозрасчета, новых форм организации труда.

– Слушай, Фёдор Петрович, с каких пор у Вьюшкова скотники на откорме работают по договору? – с улыбкой спро-

сил Устюжанин. – Давай так и напишем: «С начала текущего года». А ты приедешь домой и эту работу провернёшь. Ты меня понял?

Строгий, но уступчивый, понимающий проблемы сельских руководителей, потому что сам много лет работал в районе, Устюжанин соглашался на приемлемые компромиссы, но свои уступки контролировал, тут не пройдёт: пообещал, а не сделал. Трыль об этих тонкостях Ганюшкина предупредил.

Вечером, получив документы с новыми исправлениями для перепечатки, он звонил в гараж, Володя вёз их в гостиницу, и они с Катей, сходя в гостиничный ресторан, сидели в его люксе за стол, Катя подключала новую электрическую машинку и, аккуратно вложив чистый бланк, под диктовку шефа нажимала клавиши. Когда вся работа была закончена, Ганюшкин собрал бумаги, заварил свежий чай:

– А теперь иди отдыхай, я все проверю. Если мы с тобой ничего не напутали, завтра все сдадим и домой.

Катя засмеялась:

– А я не тороплюсь, мне здесь нравится. Вы читайте, а я пока газеты посмотрю. Вдруг где ошибка, чтобы нам завтра время не терять. Ладно?

Ганюшкин кивнул и уткнулся в бумаги, Катя неслышно сидела в дальнем углу, он по два раза перечитывал документы и не мог вникнуть в суть. За эти два дня он перешёл с Катей на ты, ухаживал в ресторане, как истинный кавалер, тем

более, что в ресторане раньше она никогда не бывала. Узнал, что ей девятнадцать, после школы не поступила на юридический, пришлось работать. Видевший её раньше каждый день, не замечал, а она очень симпатичная и добрая. Голос мягкий, грудной, ласковая, должно быть... Он оборвал эти мысли, встал:

– Все нормально, Катя, можете отдыхать.

– До свиданья, Фёдор Петрович.

– Спокойной ночи.

Перед обедом Ганюшкина пригласил секретарь обкома Кузнецов:

– Представления по вашему району я подпишу, но ещё раз все посмотрите, согласуйте в отделе. Если у товарищей не будет замечаний, получите уведомление и можете быть свободны.

Все так и получилось. Перечитав все наградные документы, он пошёл к Устюжанину. Устюжанин кивнул и указал на угол стола:

– Положи сюда. Вопросов, как понимаю, больше нет? Я в курсе, вот документ, что двадцать семь наградных от района получены. Все. Ждите Указа, хотя, знаешь, кого-то могут завернуть, но это уже наши проблемы. Я не обратил внимания, а ты представлен?

Ганюшкин засмеялся:

– Рановато ещё, Виктор Иванович, только первую пятилетку работаю.

Устюжанин снял очки, платком протёр уставшие глаза:

– Плохо работаем, плохо, и руководителей не ценим.

Не совсем справедливо: первому секретарю высший орден, начальнику управления «Знак Почёта», а предрика нет совсем. Это в корне неверно, и это наша ошибка. Ты погуляй с часик, потом зайди.

Ганюшкин ушёл в облизполком, поговорил в двух управлениях, получил необходимые обещания. В обком вернулся через полтора часа. Устюжанин встретил улыбкой:

– Первый сегодня в прекрасном настроении, я ему высказал свои соображения, он сразу согласился. У тебя остались чистые бланки? Вот и хорошо. Заполняй на «Красное Знамя», а Трылю я сообщу как решение первого, он согласится.

– Виктор Иванович, спасибо вам, я сделаю все, чтобы оправдать.

– Иди, оправдывай.

Катя открыла дверь на первый стук, пошли в его номер, она открыла машинку:

– Что пишем, Фёдор Петрович?

– Ни за что не угадаешь. Товарищ Ганюшкин представлен к ордену Трудового Красного Знамени!

Катя испуганно на него посмотрела:

– Вы шутите, Фёдор Петрович?

– Нет. Только что принято такое решение на уровне первого секретаря обкома.

Катя вскочила со стула и обняла Ганюшкина:

– Как я рада за вас, так рада!

Потом испугалась, убрала руки, покраснела:

– Извините, Фёдор Петрович, не сдержалась. Простите!

Ганюшкин и сам несколько оторопел, но неподдельный испуг Кати его взволновал, он взял её за руки:

– Катя, спасибо тебе, и за поздравления спасибо, и за объятия. Давненько мне на шею девятнадцатилетние девчонки не бросались. Прости, я говорю глупости. Давай вернёмся к этому разговору чуть позже, когда все бумаги напечатаем.

Вечером он принёс окончательный вариант представления и сдал Устюжанину. Тот кивнул и буркнул в стол:

– Орден забрали у вашего механизатора, ты же понимаешь, за квоту выходить нельзя. – Ганюшкин, ошарашенный таким оборотом, хотел что-то сказать, но Устюжанин опередил: – Все, ты мне уже мешаешь. Свободен!

Фёдор давно не чувствовал такого стыда, даже после крутого разговора с Лизой, даже после выволочек, какие время от времени после крупных пьянок устраивал ему Трыль. Забрать орден у заслуженного работника, у него и радостей-то никаких, кроме этого значка, а теперь и того не будет, его орден получит председатель райисполкома, обиженный, видите ли. Хотя – это не твоя инициатива, ты к решению вообще отношения не имеешь, пусть Устюжанина совесть терзает, ведь это его идея. Ты поначалу даже не подумал, а где же они возьмут знак, если все строго квотировано и уже распределено. Нет, это чистая правда, ты об этом не думал, а ведь

мог бы. Может быть, так удобнее, делать вид, что не догадывался? Тебе же не впервой. Ты и обман женщины как бы не заметил, когда пообещали хорошую должность. И ничего, живёшь! Ганюшкин вдруг очнулся: «Куда меня понесло?!»

Страшно хотелось напиться и забыть все, но смущало присутствие Катерины. Не отправлять же её поездом. Он долго пешком шёл до гостиницы, не вызывая Володю. Володя с машиной в гараже, там хорошие номера, столовая, так что надо только сообщить, что едем завтра ближе к обеду. Постучал в номер Кати.

– Я от тебя позвоню Володе, что мы остаёмся до утра. Ты не возражаешь?

Катя кивнула:

– Конечно, нет. Надо значит надо.

Ганюшкин улыбнулся:

– Действительно. Ты только что из душа? Молодец.

– Мне нравятся городские удобства, не то, что у нас, каждый раз баню топить.

– Тогда я тоже в ванную, и на семь часов закажу хороший ужин в свой номер. Посидим, обмоем сдачу документов.

– И ваш орден.

Ганюшкин остановил:

– Катя, прошу тебя, про орден ни слова. Его пока нет.

– Поняла. Чтобы не сглазить.

Он улыбнулся:

– Вот именно!

Через час из ресторана принесли все, что заказал Ганюшкин: шашлыки, жареную курицу, фрукты, салаты, конфеты и шоколад, коньяк и шампанское. Посреди стола официантка поставила вазу с пятью красными розами. Катя, когда он ей позвонил, вошла и ахнула, такой красоты она сроду не видела, а Фёдор тут же добавил:

– Катенька, розы специально для тебя.

– Спасибо, Фёдор Петрович, мне ещё никто розы не дарил, да и вообще цветы. Разве парни понимают, что девушке особенно приятно?

Ганюшкин сразу предложил Кате шампанское, она не отказалась, выпила полный бокал, Фёдор спросил разрешения у дамы снять пиджак, Катя засмеялась:

– Зачем вы спрашиваете, Фёдор Петрович, я вот тоже хочу кофту снять, жарко.

В белоснежной блузке, обнимающей её юное тело, Катя была поразительно красива. Ганюшкин смотрел на неё с удивлением:

– Катя, ты такая красавица, а я в суматохе и внимания на тебя не обращал.

Катя не смутилась, она вызывающе смотрела на него и улыбалась, зато Фёдор оробел, испугался такой красоты и молодости.

– Давай, Катюша, выпьем за тебя, за твою красоту, которую когда-нибудь, и очень скоро, оценит юный рыцарь, и мы крепко погуляем на твоей свадьбе.

Катя поставила бокал на стол:

– Я за такой тост пить не стану. Не хочу я никакого рыцаря, Фёдор Петрович, вот если вы согласитесь выпить за нас с вами, я выпью даже рюмку коньяка. Чего вы испугались? Да, я дурочка, потому что влюбилась в мужчину женатого и с положением, знаю, что счастья мне с ним не будет, а сделать ничего не могу. Я уже увольняться хотела, но меня Мария Никифоровна не отпустила. А когда вы мне предложили эту поездку, я так обрадовалась, что хоть сколько-то времени буду рядом с вами. Вот даже за столом удалось посидеть, и то счастье. Вот так, дорогой мой Фёдор Петрович!

Она налила в свой бокал коньяка и выпила, округлив глаза от крепости напитка и заедая его яблоком. Ганюшкин молчал, он точно испугался этой речи, хотел даже превратить все в шутку, но быстро понял, что это глупо. Но надо же что-то говорить!

– Катя, спасибо тебе за такие слова, но ты неудачный сделала выбор. Я не только с положением и женат, как ты заметила, но я и староват для такой девушки. Катенька, мне под сорок.

– Знаете, как говорит моя бабушка: любовь ровесников не ищет. Хотите откусить от моего яблока? Говорят, Ева так Адама соблазнила, а я вас. Кусайте!

Он потянулся через стол, она убрала яблоко и крепко поцеловала его в губы, потом поднялась, обежала стол и продолжала его целовать, села рядом и крепко прижалась.

– Я люблю вас и хочу быть вашей. Мне ничего не надо, только хоть какую-то надежду, что мы встретимся, что вы обнимете меня. Ну, что же вы молчите? Напугала я вас, да?

Ганюшкин уже взял себя в руки, он плеснул в бокал коньяка, выпил, с доброй улыбкой посмотрел на Катю.

– Милая девочка, ты даже представить себе не можешь, какое это счастье для мужчины быть любимым юной девушкой. Ты прекрасна в своём откровении, я хочу целовать и любить тебя...

И эта история длилась уже несколько лет, сам Ганюшкин удивлялся, что никто ничего не знал.

Края наши богатимые, и народ работающий, природа своими выкрутасами просто в тупик ставит и уроженцев, и знающих людей, ученых. К председателю райисполкома Ганюшкину пришёл на приём пожилой человек. Потом, когда они хорошо обзнакомились, Фёдор Петрович удивлялся, что тому восьмой десяток доходит, а тогда в кабинете он показался ядрёным стариком, борода явно не стрижена, да и на голове волосёнки, похоже, давно ножниц не видели. Но одет опрятно, чисто, сапоги хромовые, брюки с напуском, рубаха под ремешком, ну, прямо со сцены московского театра. Ганюшкин только что из столицы вернулся, была там учёба двухнедельная, водили их во МХАТ, там Островского играли. Так вот этот дедок точь-в-точь оттуда. Пригласил его к столу, сам сел напротив, тогда эта мода только входила, чтобы начальник с собеседником друг напротив друга сидели. Раньше-то он под большим портретом, как под охраной, а гость один, как сыч, стоймя посреди кабинета.

– Что вас привело ко мне, дедушка, извините, не знаю имени-отчества.

– Тогда, в таком случае, начну с самого изначала. Звать меня Тимофей, а по отчеству Павлович. Я кровей не здешних, волжанин, прибыл с семейством не по своей воле, но Господь меня вразумил именно здесь остановиться. Вот

и живу я в малой деревеньке Песьяновой промежду двух озёр. И оба озера считаю чудом Господним...

– Чудом природы, вы хотели сказать, – поправил председатель.

– Я сказал, как и думаю: Божий дар сии озера. Да вы их знаете не хуже меня. В одном вода солёная, и плотность такая, что человека держит, во как! А другое пресное, но вода уровнем на полтора метра ниже, и ведь не перетекают воды, хоть и есть подземные токи, это ли не чудо? А посередине озера Остров. Вы бывали на том Острове?

– Бывал, – кивнул Ганюшкин. Да что там бывал, летом каждый выходной туда выезжали, уха, шашлыки под водочку. Потемну уже шофера персональные вывозили их едва тёпленьких, чтоб народ не видел.

– Стало быть, вам известны уникальные особенности этого Острова. Его называют Черёмуховым, потому что по всей округности зарос он с незапамятных времён черёмуховым кустарником.

Никаких выдающихся способностей Острова и озера Фёдор Петрович не знал, потому молча слушал.

– Да простится мне сия вольность, гражданин начальник, но я уже много лет веду на острове опыты, хоть это и громко. Я неуч, грамоты никакой, но интересуюсь. И вот в первый год жизни на этой земле побывал я на Острове, дело было поздней весной, но на Острове уже все распустилось, и черёмуха в цвету, и прочий куст. Я понял, что не само по себе

такое, а от того, что Остров укрылся в низине от ветров, да ещё стена черёмухи спасает, вот и получается, что климат там иной, чем на берегу.

– Ну, простите и вы меня, Тимофей Павлович, как это в полукилометре от берега может быть другой климат? – искренне удивился Ганюшкин и пожалел об этом.

– Я докажу вам это практически. Вот уже несколько лет на нескольких сотках я выращиваю на Острове – что бы вы думали? Фрукты все, виноград нескольких сортов, арбузы и помидоры, каких нет на материке. Сразу оговариваюсь: чтобы советская власть не обвинила меня в незаконных действиях, я весь урожай увожу в город, в детский и старческий приюты, все накладные у меня сохранены на всякий случай. Денег, само собой, не беру.

Ганюшкин был немножко с похмелья, и дед со своими помидорами стал ему надоедать.

– Хорошо. Чего же вы от меня хотите?

– Как? Вы разве не видите, что Остров можно превратить в огромный сад, который будет кормить не только наш район, но и многих других?

Председатель посмотрел на часы, через десять минут надо быть в райкоме, только потом можно пропустить рюмочку коньячку.

– Давайте мы с вами так договоримся. Я поручу товарищам, они займутся Островом и дадут научное заключение. Оставьте свой адрес в приёмной.

– Простите, гражданин начальник, но это ещё не все. Займу три минуты. Надо направить в специальные лаборатории воды и грязь с Солёного озера. Люди со всех сторон едут лечиться, я сам пользуюсь от ревматизма и иных спинных недугов. Но условий же никаких! А тут санаторий строить следует, вот что я вам скажу.

– Хорошо. И по озеру тоже попросим науку помочь. – Он встал, давая понять гостю, что разговор окончен. Тот тоже поднялся и посмотрел на хозяина из-под лохматых бровей.

– Сдаётся мне, что судьба нас сведёт и вроде надолго. Благодарствуйте за приём, желаю вам успехов в ваших добрых делах.

12

Женщины сидели на завалинке после хозяйственной управы и обсуждали новости. Время самое подходящее, картошку посадили, сенокос ещё не приспел, мелочь в огуречнике продёрнули от мелкой надоедной травы и свободны.

– Артюха Беспалый, слышали, приехал из города на родину, а дома-то тю-тю, даже чаю попить негде. Подался к дружку своему Филе Косомудому.

– Не скажи, Артюха прикатил, как барин, на легковой, сын привёз или зять.

– Ага, раскатила губу, зять тебя повезёт. Зять – он любит взять, так вот.

– А чего Артюха прикатил? На пенсию вышел?

– Сказывали, что вышел, по горячему, он при заводе на все руки, дали пенсию в пятьдесят годов.

– Ну и что, что пенсия? Он же не будет её с Филей пропивать. Стало быть, дело есть у него тут, вот и прикатил.

Подошла Парасковья Михайловна:

– Не то судите, бабы, Артём Лавёрович, он же мне кумом доводится, приехал домик присмотреть и вернуться на родину.

– Ещё чего ты ни говаривала, кума Парасковья! Как это – из города и в деревню?!

– Ну, не совсем и деревня, кумушка, а район, сын гово-

рит, что большое строительство будет, завод какой-то собираются, асфальт, дома двухэтажные. Это вечер был в совхозе секретарь райкома, новый, по фамилии Ганюшкин. Так он сказывал.

Артём прибыл без предупреждения, Филимон работал на стройке, поднеси-подай, пришёл домой, а тут гость. И Серафима вроде довольна, хороший полушалок ей Артюха привёз, она вырядилась и ходит по дому, как курица цветная.

– Сыми! – рывкнул Филимон, – оставь на праздник.

– А у меня и так нонче праздник, два мужика в доме, можа, чо и перепадёт.

Филимон развёл руками:

– Дура, братуха, с душой живу век. Ты привёз чего, а то ведь у меня запасов не бывает, ты в курсах.

Артём засмеялся:

– Деревня! Так и ходите без нижнего белья. Конечно, привёз, цельную фляжку первача. Давай на стол командуй, да поговорим потом.

Серафима быстро собрала на стол огурцы и грузди прошлогодние, яиц сварила с десяток, картошка была в сковороде ещё с утра. Артём достал из мешка коральку колбасы, в доме вкусно запахло чесноком и приправами. Налили по стакану, Серафиме тоже поднёс гость рюмку:

– Ты, Симка, не старишься совсем, а Филька полысел и облез, как после пожара.

Сима хохотнула:

– Филя от вина облез, оттого и здоровья не стало.

– Чего тебе моё здоровье? На ногах стою, роблю, что по силам. Здоровье!

Выпили ещё по стакану, и Филимон повёл друга смотреть, какие дома продаются. Первый Артём забраковал сразу, даже не заходя – велик:

– Нахрена мне эта кубатура, тут только дров надо будет три машины на зиму.

Второй домик вроде понравился, но толковый Филимон прихватил с собой стальной щуп, ткнул в окладник, и чуть не насквозь.

– С этим, Артюха, связываться не будем, на него ещё год надо робить.

Гость облюбовал избу, большую, на высоком месте, продаёт молодой хозяин, мать померла.

– А ты чей будешь?

– Матрёны Кулибакиной сын.

– А Матрёнка?

– Говорю вам, что померла.

Покупатели отошли в сторону и велели молодому обождать.

– Филя, я же после войны к Матрёне хаживал, и парень этот сын мне будет, точно.

– А ты у него спроси, какое отчество?

– Не, она на меня не записала бы. Слышь, сынок, а отец твой где?

– В Караганде.

– Он что, шахтёр? Он наш деревенский?

Парень психанул:

– Ты избу смотри, если собрался покупать, а с родней я сам разберусь.

– Сколько просишь?

Парень назвал сумму, Артём улыбнулся:

– Завтра в сельсовет сходим, расписку напишешь, чтоб с печатью. Понял?

Парень оставил гостям замок от избы и ушёл. Мужики вошли, ещё раз все осмотрели, Артём остался доволен:

– Матренка, помню, хорошая была баба, да я уж женился. А парень мой, увидишь, братуха, мы с ним сойдёмся.

Утром оформили бумагу и стали обмывать покупку. Филимон перестал ходить на работу, впал в запой, просыпался, наливал стопку и снова проваливался. Не нашёл бутылку, крикнул Серафиму, та налила стакан воды и подала, на всякий случай отодвинувшись от кровати. Но Филимон выпил, закусил огурцом и упал с храпом. В другой раз, среди ночи, поднявшись до ветру, он услышал в маленькой комнатке хихиканье Серафимы и покашливанье Артёма, но решил шум не поднимать, сходил, помочился и снова упал на продавленный диван. Утром он уже ничего не помнил.

Через неделю Артём перевёз свои вещи из города, Василиса побелила стены, вымыла потолок и пол, повесила занавески. Переездом она была крайне недовольна, тем более,

что муж теперь пропадал в доме друга своего Филимона. Филимон из запоя вышел, но с товарищем принимал по маленькой. После бани они выпили литровую банку самогонки, и Филя вдруг заплакал:

– Артюха, я тебя как брата принял, а ты мою бабу тискаешь.

Артём несколько не удивился и не испугался, он икнул и согласно кивнул:

– Филя, но ты же совсем куда-то пропал, вот Симка и попросила пособить. По-дружески. Какие у тебя ревности, Филя, ну, хочешь – пойди к моей Василисе на ночь. Пойди, я не в обиде. И ты без слез. Я тебя вторую неделю пою, а ты бабы пожалел для друга. По рукам? Я ещё одну флягу привёз, ты не теряйся, мы с тобой гульнём за мой переезд на родину.

Филимон вытер рукавом слезы и принял мутный стакан.

– Я Серафиму утром исхлестал, платком завязалась, мотанулась к дочери в город. Пущай поживёт до посевной, потом явится.

Артём поставил стакан и посмотрел на друга:

– А посевная-то к чему?

– Да я про огород.

Всё лето Филимон болтался по селу, председатель совета не один раз угрожал свести в Лебедевку, так называлась деревня, где лечили дураков и алкоголиков заодно, но все обходилось. Филимона с работы уволили за систематические прогулы и пьянку. Провели рабочее собрание, хотели отправить в лечебно-трудовой профилакторий, но мужики засту-

пились, учитывая почти коммунистическое прошлое Бастрыкова. Филя получил расчёт и загулял. Через неделю, когда он перестал ходить в туалет и лёгкую нужду справлял прямо на диване, Серафима уволилась из совхоза и уехала к дочери. Обрадовавшийся Филя кинулся к своему гомонку, он был пуст. Пошёл к другу Артёму, но там Василиса спустила на него такую лайку, что лучше бы не заходил. Артём, убежавший по делам, вошёл в положение и сунул товарищу бутылку самогонки. Филя похмелился, а тут подошла старушка, учительница.

– Филимон Савельевич, мне дрова привезли, но больно толстые, не могли бы вы их расколоть? Сколько стоит, я заплачу.

Филимону колоть дрова сейчас не хотелось, потому он сказал:

– Две бутылки водки натурой, и завтра ваши дрова будут мельче спичек.

Через час старушка принесла две бутылки. Два дня Филимон не выходил из дома, потом все-таки пришлось, похмелье выдавило. На улице встретились трое знакомых:

– Пошли в котельную, там тепло, и кто-нибудь обязательно придёт с бутылкой.

Филя сел у самого котла, но дрожь не проходила. Кочегар, кидавший в топку уголь, сжалился:

– Тебя чего так корёжит, вчера сильно перебрал или в запое?

Врать не было смысла, и он признался:

– Другую неделю пью, и не жрамши, пукнуть нечем.

– Я тебе дам хлеб и луковицу, поешь.

Только он начал есть, в котельную вошли двое хорошо одетых мужчин:

– Что это за сборище? Кто здесь старший?

Кочегар отложил огромную клюку и снял шапку.

– Старший я, напарник убежал домой, на минутку, у него жена больная.

– А это что за тип?

Кочегар так и отвечал:

– Этот тип зашёл погреться.

– О, да там ещё двое, – заметил проверяющий мужиков на лежанке. – Посторонним покинуть помещение, а кочегара – запиши его фамилию – лишит премияльных.

Гости вышли.

– Начальник наш с председателем райисполкома Ганюшкиным.

– Попадёт тебе?

– Да нет, начальник смирный, сейчас проводит бугра и домой, ну, скажет когда-то на собрании.

Через минуту в котельную влетел молодой парень:

– Ребята, тут все свои? Нет стукачей? Признавайтесь, а то поздно будет.

Кочегар пошевелил клюкой:

– Ты кого пугать собрался? Ты видишь, тут народишко

из последних сил, а ты с криком.

– Так вот, братцы, надо мне пару человечков, кое-что перетащить. Естественно, всем перепадет.

Двое покрепче пошли с ним и через полчаса вернулись с двумя ящиками водки. Кочегар сразу сказал:

– Стоп, ребята, так не пойдёт, прячьте, где угодно, здесь шмон будет в первую очередь, и бутылки распить не успеете.

– Пошли ко мне, – оживился Филимон. – Я один, места хватит.

Когда все спрятали в сарае, где когда-то жила корова, сели за скромный стол с хлебом и груздями серафимовой засолки, выпили по первому, Филимон спросил:

– Ребята, а ящики откуда?

– От верблюда. Две машины вчера привезли, мы до темноты разгружали, вот пару ящиков заныкали, а продавщица настолько замёрзла, что ей вообще все по боку. До ближайшей ревизии не хватятся, так что пей, батя, как своё.

Филя выпил, но рассказ этот ему не понравился, и парни вроде свои, но признать не может. Посидев с полчаса, ребята собрались уходить:

– Слышь, батя, водка в коровнике, в сене, смотри, не проболтайся, а то сядешь на одну скамейку. Понял?

Едва дождавшись рассвета, Филя побежал в магазин. Продавщица, ещё сонная, только что открыла дверь:

– Во, нарисовался, первый покупатель. В долг не даю.

– Да нет, слушай, Зина, у тебя вчера два ящика водки уве-

ли грузчики. Ты только тихо, иначе они меня порежут. Я тебе на санках привезу под половиком, чтоб не видно было, а ты ворота открой, чтобы не через магазин.

Зина перепугалась:

– Да ты что, дядя Филимон, а у тебя-то как они оказались?

Филя отвернулся:

– Пили вместе, вот и спрятали у меня. А мне тебя жалко, деньжищи-то за два ящика – ого-го! Ну, пошёл я.

Когда сдал водку, на душе полегчало. Зина, добрая душа, дала ему бутылку как премию, а про водку научила, что была, мол, милиция и все сгрузила.

Филимон согласился:

– Сверяться в милицию они не пойдут, вот и все дела.

Только вернулся, вошли те двое.

– Хозяин, непонятки, водчонки-то нет.

Филя сел на лавку:

– Сдал я вашу водку, ребята. Продавщицу мне жалко стало. Вам по бутылке оставил, возьмите на похмелье. Одно то хорошо, что искать вас не будут.

Парни сели на лавки:

– Ну, дедок, учудил. Ладно. Но ящик водки за тобой, мы будем наведываться, ты не забывай.

Филимон пить и есть бросил, совсем пропал мужик, те приходят, требуют, а дать нечего, и из дома взять – шаром покати.

С таким горем и пошёл он на край деревни дровишки ба-

бульке учительнице расколоть, и встретился ему на пути Поликарп Евдинович. Поздравствовались и разойтись могли, только Поликарп Евдинович остановился:

– Не глянешься ты мне, Филимон Савельевич, вроде и трезвый, а лица нет. Ты не заболел ли случаем?

– Да нет, здоров, хотя какое здоровье? На душе мутно.

– Случилось чего? Говори!

Филя и рассказал всю историю про водку, про парней этих, про горе своё.

– Ты после работы ко мне зайди, только трезвый, с пьяным нам дела не решить.

Филимон расколол дрова и зашёл к Поликарпу Евдиновичу. Какая красота! Живёт один, а порядок – не у каждой женщины такой найдёшь. Сел под порогом. Хозяин под руки провёл в передний угол, положил на стол свёрток денег.

– Вот это все за два ящика водки, часть за выпитое отдашь Зине, а остальное этим крохоборам. На них бы милицию, но это долгая история, и мы с тобой стары по судам да следствиям болтаться. Путь подавятся этой водкой, бесовестные они люди.

Филимон денег не берет:

– Поликарп Евдинович, а как же я с тобой расчёт буду вести?

Хозяин засмеялся:

– А никак! Забудь про это горе, да больше не связывайся, а то ещё на старости в каталажку попадёшь.

На том и расстались.

В День Победы его тоже посадили за стол рядом с Поликарпом Евдиновичем, налили фронтовые сто грамм, говорили речи. Он вообще боялся этого мужика, если на улице встречал, непременно переходил на другую сторону. Какой-то он был укоризненный, слова не говорил, а упрёк в несправедной жизни так и пер от него. Филя даже подозревал, что Поликарп из святых, что по земле ходят, вот ты посмотри, при жизни бабы своей никто за ним ничего не замечал, даже специально одну науськивали, уж она и так перед ним, и этак, а он только усмехнулся, дурочкой её ласково назвал и ушёл. Дела на отсевках было, когда всей деревней за совхозный счёт гуляют. А когда вместе с бабой где появлялся, стыдно было смотреть, как молоденькие, он ей – Кристюшка, она ему – Полинька, да с улыбочкой. Не заведено так в деревне! Конечно, больше всего Филимона возмущало, что Поликарп не пьёт, так, для уважения рюмку пригубит, и все. И не скажешь, что лечился или больной какой, вон какой производитель.

– Ты не переживай, Филимон Савельич, я тебя сегодняшним днём осуждать не стану, выпей за ребят наших, кто не вернулся, кто тут уж помер, не дожив веку. Меня вот пронесла война почти на руках, десять раз у смерти на очереди был, а выскакивал. Конечно, ребята пособляли, без товари-

щев на фронте и дня не протянешь. Хочешь – мой пай возьми, только на ногах домой уйди, чтобы люди не смеялись.

Филимон в тот вечер набрался крепко, пришёл домой, не сам, конечно, пионеры привели. Спал, как всегда, на диване, просыпался рано, потому что похмелье ко сну не располагало. Проснулся, открыл глаза и увидел цветущую сирень, она почти все окно заслонила. Крупные бутоны были так жизнерадостны, что Филимон заплакал:

– И чего же я творю, сволочь такая, жизни не вижу, детей своих не вижу, внуков не знаю, бабу..., бабу, говорят, в городе мужики потаскивают. Да что же это, Господи! С осени пить начал, и вот уже сирень цветёт, а я все в одной поре. Нельзя мне на белом свете жить, нету мне места. Эх, мама-мама, зачем ты меня на свет родила? Зачем на войне не убил какой-нибудь немец?

Филимон пошёл в кладовку, нашёл шёлковый шнур, отрезанный когда-то от совхозной катушки, сделал петлю и вернулся в дом. Была такая думка, что пока пишу письмо, может, страх появится, жить станет охота, но короткое письмо «Никого не виню, только водку. У жены прощения не прошу, не стоит того, а дети как хотят. Все. Пожил на этом свете Филимон Бастрывков, покуролесил, терпенье кончилось. На том прощаюсь со всеми. На похоронах ни слез, ни венков, только собутыльники, кому не стыдно. Хоронить не на что, так что извиняйте».

Шнур долго выравнивал, чтобы наверняка зависнуть, а то

тут один давился, пришли, а он, сволочь, на цыпочках стоит и орёт на все деревню. Все отравнял, на табуретку встал, ещё раз дёрнул надёжность крюка и подогнул колени.

В то же утро в столярку принесли мерку с Поликарпа Евдиновича. С вечера он засыпал, а уже в полночь – хоть глаза зашивай, нету сна. Включал «Спидолу» и слушал незнакомые и непонятные звуки тихой музыки, которые так совпадали с его состоянием покоя и тревоги одновременно. Он никогда не слышал оркестра, только на Параде Победы, когда шёл в составе своего фронта рядом с незнакомыми героями. Поликарп Евдинович открыл шторку и увидел сияние, потом огонь.

«Что же там гореть может? Да это же Киричонкова избушка полыхат, Господи!»

Он накинул фуфайку и выскочил на улицу. Никого. Побежал к избе, она всю пылала, и только жалобный крик перебивал треск горевших стен. Поликарп Евдинович пнул дверь, она открылась, рванул вторую, в избу, она слетела с обгоревших петель косяка, он метнулся на стон и схватил кого-то на руки. Два шага не успел до порога, когда упал потолок. Их так и нашли, Поликарпа Евдиновича с пьяным, как показало вскрытие, младшим Киричонком на руках. Два других так и не очнулись, задохнувшись в дыму.

Деревня гудела. Киричат никто не жалел, их проклинали, что такой человек погиб, пытаясь их спасти. В человеческих эмоциях смешались жалость и жестокость, поклонение

и презрение, слезы и гнев. А тут ещё Артём Лавёрович подбежал:

– Филимон удавился!

И без того потрясённый народ ахнул: столько смертей в деревне в один день не бывало. Председатель сельсовета объявил, что Поликарпа Евдиновича хоронить будет государство, на тот случай деньги отпущены.

Народ, хоть и в такой беде, но не мог удержаться:

– А Киричата, думаешь, себе на погребеньё оставили? Вон и Филимон Бастрыков на своё потомство не рассчитывает, так что раскошеливайся, председатель!

Поликарпу Евдиновичу могилу выкопали рядом с Кристиньей Васильевной. Женщины нашли коробку с наградами, их у старика оказалось много, решили подушки не шить, а все медали и ордена нести на одной подставке. Из района приехал первый секретарь Ганюшкин, сказал краткую речь, хотел ещё парторг, но мужики сказали, что речей много не надо, покойник этого не любил, и стали закрывать гроб. Подошёл паренёк, сказал, что ребята пришли с охотничьими ружьями, и патроны без дроби, чтобы сделать салют для дедушки. Власти разрешили, и, когда гроб опускали в могилу, три выстрела в разную сторону прогремели над Поликарпа вековыми соснами.

Киричат положили в одну могилу рядом с непутёвым и злосчастным отцом. По Филимону думали долго, хоть и пил в последнее время, однако орденосец и столько лет

был передовиком. Все решила приехавшая Серафима, гроб прямо из анатомки увезли на могилки и тихонько закопали. Деревня долго ещё жила разговорами об этих ужасных случаях.

Ганюшкин понимал, что не просто зависим от водки – жить не может, не выпив. Сто граммов утром, в течение дня бутылка, на вечер вторая. Трыль дважды приглашал для серьёзного разговора, один раз угадал точно, Фёдор собирался домой и залпом выпил стакан водки. Конечно, непьющий Трыль все понял, стыдить и ругать не стал, сказал спокойно, что надо что-то делать.

– А выбор у тебя небогатый: либо ты совсем не пьёшь и работаешь, либо я тебя сниму с должности, и тогда не обижайся, подставляться не буду. Ну, подумай ты сам, Фёдор, ты же молодой, все впереди, вот уйду – первым секретарём станешь. Следить за тобой не буду, но после первого же случая сниму. Все, свободен.

Федора этот разговор не на шутку встревожил. В одну из поездок в область постарался утрясти поскорее все неотложные дела и заехал в областную больницу. Определив по большому списку в вестибюле, где принимает нарколог, вошёл в кабинет, сел напротив доктора, который поднял голову от бумаг и испуганно посмотрел на неожиданного пациента.

– Приём окончен, молодой человек. И я не вижу вашей карточки.

– Доктор, у меня несколько вопросов, так сказать, инког-

нито. Пью, давно, с юности, теперь уже не обхожусь без бутылки в сейфе. Я работаю в сельском районе, один из руководителей, понимаете, люди уже замечают, скрываться бесполезно. Запах, вид – все выдаёт. А тут после одного недоразумения первый секретарь прямо сказал: «Завязывай с этим делом, иначе простишься с работой». Что мне делать?

Доктор развёл руками:

– Дорогой мой, прежде всего, нужно личное желание пациента избавиться от дурной привычки.

– Простите, но это называют и болезнью...

– Зависимость, неконтролируемая зависимость. Много без чего человек не может жить: пища, вода, воздух. Попробуйте выдохнуть и задержать дыхание – ничего не получится. Когда алкоголь становится активным участником жизненных процессов в организме, тогда без него невозможно обойтись. Хотя я знаю случаи, когда человек выходил из запоя с нашей помощью и с того момента ограничивал себя: ни грамма спиртного. Сколько дней вы можете обходиться без спиртного?

– В последние годы не было таких дней.

Доктор постучал пальцами по столу:

– Батенька, завидный у вас организм. Что я могу посоветовать? Есть лечебница в Челябинске, методика примитивная, но другой нет. Попробуйте обратиться туда. Кстати, тоже можно инкогнито. Простите, а как ваша семейная жизнь? Я имею в виду атмосферу, отношения.

Ганюшкин смутился: вроде не по теме вопрос.

– Мы остались с женой, дети живут самостоятельно. Честно говоря, дома плохо. Жена никогда слова ласкового не скажет, да я и не жду. С первых дней все пошло наперекосяк, так и продолжается.

– Она как-то борется с вашими пьянками?

– Как она может бороться? Утром ухожу вроде трезвый, с похмелья, возвращаюсь крепко пьян, иногда даже водитель помогает войти в дом.

– Да, у вас стимула нет. Сколько вам лет? Сорок пять? Вы же совсем молодой человек, и до такого состояния себя довели. Хотите, один случай из практики? Не подумайте, я не призываю к этому, но все-таки. Был у меня пациент, тридцать восемь, тоже из начальства, по-моему, инженер на производстве. Бились мы с ним долго. Тоже в семье разлад, оно и понятно. И приходит ко мне ассистентом молодая женщина, встретились они здесь, в кабинете, и, представьте себе, он влюбился. Стал приходить чуть не каждый день, я деликатно оставлял их в кабинете, надо же им как-то поговорить. Влюбился окончательно! Семью оставил и перешёл к ней, сейчас живут душа в душу. Конечно, семья и дети – трагедия, но я с медицинской точки зрения: любовь лечит алкоголиков, установленный научный факт!

Ганюшкин потом к этому доктору часто заезжал, всегда трезвый, но опытный глаз не обманешь:

– Вчера принимали?

– Было.

– Да, сложное ваше положение. Я так понимаю, что вид ваш руководству не особенно нравится, потому о карьере придётся забыть, даже в нынешней должности, как я догадываюсь, в районе не последней, вы можете не удержаться. Вы согласны?

Фёдор Петрович кивнул и тут же спросил:

– Скажите, что делать, я на все готов.

– Я говорил о Челябинске, можно поехать туда, но предупреждаю: только при внутренней готовности раз и навсегда забыть о прошлом. Это очень непросто, но иначе нельзя. У меня там есть знакомый доктор, я напишу ему просьбу провести процедуру без дополнительных... ну, унижений, что ли.

– А точнее можно?

– Конечно. Все принятые на лечение проходят так называемую трудотерапию, любые хозработы в клинике. Дело в том, что лечение начинается после двух недель трезвости.

Он взял листок бумаги со штампом, что-то быстро написал своим неразборчивым врачебным почерком и подал Ганюшкину.

– Тут адрес и просьба. Остальное зависит от вас. Напоминаю: минимум десять дней трезвости. Желаю успеха.

Своему водителю Володе Фёдор Петрович сказал, что в воскресенье вечером они выезжают в Челябинск, чтобы утром быть в городе. Когда «Волга» привычно тормознула у ворот, Елизавета Александровна удивилась:

– И куда вы на ночь глядя, если не секрет?

Ганюшкин не ответил. Они давно уже общались вопроса-ми без ответов, сообщениями без продолжений, спали в разных комнатах большого дома. Иногда Лиза ночью приходила к нему, плакала, просила не пить и жить дружно:

– Федя, милый мой Федя, я прошу тебя не пить совсем, если не умеешь ограничиваться одной рюмкой. Ну, выпей ты дома, кто тебе запретил? А ты выпиваешь с подчинёнными, не спорь, я знаю. Это плохо кончится. По райцентру уже идут разговоры о твоих выпивках, мне передали.

– Ладно об этом. Ситуация под контролем, успокойся.

– Скажи, что я должна сделать, чтобы ты не пил?

– Хватит об этом. Я уже сплю.

Такие разговоры случались все реже, и Ганюшкин вдруг обрадовался этому: так спокойней, приехал выпивши, поужинал, ушёл в свой кабинет, где в сейфе всегда стоял коньяк. Он стал закрывать дверь на ключ, тихонько открывал сейф, делал прямо из бутылки несколько глотков и ложился спать.

Чтобы снять напряжение, Ганюшкин сказал:

– Еду в больницу на обследование, не меньше недели, так что отдохнёшь от меня.

За длинную дорогу ни разу не вздремнул, Володя иногда оглядывался на шефа, но молчал. Когда заехали в город, Володя спросил, куда и как дальше.

– Вон гаишники стоят, спроси у них, как проехать в психодиспансер, а ещё проще – где алкоголиков лечат.

Володя покраснел:

– Вы серьёзно, Фёдор Петрович?

– Серьёзней некуда, Володя, спрашивай точнее.

Молодая регистраторша, когда Ганюшкин назвал фамилию доктора, которому привёз записку, встала и повела его по узким коридорам на второй этаж, постучала в глухую белую дверь и после ответа открыла:

– К вам, Виктор Иванович.

Ганюшкин вошёл, поздоровался, подал записку. Доктор, пожилой, высокий и худой мужчина, пробежал глазами написанное и улыбнулся:

– Жив курилка? Итак, вы приехали пролечиться, как пишет мой товарищ, или сделать вид?

Ганюшкин не понял:

– Как это – сделать вид? Я хочу получить от вас помощь.

– Да, батенька, приятно слышать, но наша помощь без вашего желания ничего не значит.

Ганюшкин возмутился:

– Доктор!

– Виктор Иванович.

– Простите, Виктор Иванович, я ответственный работник, бросаю все и еду к вам, а вы сомневаетесь в искренности моих намерений.

Виктор Иванович мило улыбнулся:

– Да кто же посмеет сомневаться, молодой человек? И ответственные работники для нас не столь большая редкость, на той неделе отправили заместителя союзного министра. Я уверен, что мы и с вами найдём общий язык. Сколько дней вы не принимали спиртного?

– Неделю.

– Совсем хорошо. Я так понимаю, что вам хотелось бы все и сразу, времени нет, да? Тогда давайте так. Вы ложитесь в клинику, я провожу обследование и назначаю процедуры. Это займёт по крайней мере неделю. Вас устраивает?

Ганюшкин кивнул:

– Я с водителем, нельзя ли его как-то определить?

– Сделаем, есть диванчик в кабинете, питание в столовой. И время от времени я попользуюсь вашей машиной. Не возражаете?

Ганюшкина раздели, выдали штаны и пижаму, провели в общую палату. Взяли кровь из пальца и из вены, провели по нескольким кабинетам и вернули к Виктору Ивановичу.

– Прошу вас не уклоняться ни от каких назначений. Мы будем проводить ускоренный курс, ваш организм позволяет

это сделать. Ничему не удивляйтесь, вам будут давать таблетки, вводить растворы в вену и в мышцы, а вечером нальют полный стакан водки. Настоящей.

Ганюшкин возмутился:

– Я не хочу водки!

Виктор Иванович засмеялся:

– Увы, дорогой...

– Меня зовут Фёдор Петрович.

– Фёдор Петрович, увы, придётся выпить. И даже несколько дней кряду.

Каждый день был мучительнее предыдущего, он совсем ослаб, потому что пища в столовой скверная, а брать продукты со стороны доктор запретил. Володя в столовую совсем не ходил, потому встречались только утром, он краснел и спешил к машине.

Историй Ганюшкин наслушался всяких, от смешных до трагических. Народ тут был простой, его сразу определили, как начальника, и относились с каким-то почтительным неуважением. Он старался не обращать внимания, старался показаться своим, потому всякий раз, когда мужики кучковались, он присаживался и внимательно слушал, реагируя, как все.

– Я уже третий раз здесь, и никакого толку. Выйду за ворота, беру чекушку, и маленький глоток. Ага, сердечко за постукивало, пот прошиб, значит, все нормально, организм протестует, но кому сегодня нужны протесты?

Все одобрительно засмеялись.

– Это они только пугают, что крякнешь, если выпьешь. Тут расчёт на то, что я сам хочу бросить, вот тогда поможет. Мой кореш, пятнадцать лет в рыбаках отработали, в сорок ушёл к приезжей бабе, она его сюда, сейчас ударник коммунистического труда и гвардеец. Спрашиваю: скучаешь? Нет, говорит, некогда скучать, у меня жена третьим беременна. Вот и посуди. А пил – дай Бог, утром стакан, в обед стакан, вечером бутылка на двоих. Всегда пьян и всегда на ногах, работник настоящий.

– Это смотря что пьёшь. У твоего друга или у тебя сейчас всегда рыба для «котов» есть, они без «пузыря» не приезжают. А когда выпить нечего и весь ливер трясётся, тогда все годится. Кому доводилось денатурат пить? Тебе не приходилось? – неожиданно рыжий здоровый мужик спросил Ганюшкина.

– Нет, – ответил он и отвернулся.

– Понятно, – протянул рыжий. – Вы на коньяках, должно быть, дозревали. Судя по рукам, тяжелыше кой-чего не поднимали. Понимаем. А я вот пил денатурат, у нас тогда на базе его бочки стояли.

Молодой мужчина с интересом любопытствовал:

– Что он из себя?

– Обыкновенно. Голубой такой, можно разводить, можно напрямую. Говорят, на глаза влияет. Но я не замечал, хотя сварной наш Миша ослеп. Но опять же сварной. А денатурат

потом куда-то увезли. Жалко было. Мы неделю ходили сами не свои.

– Нет, ребята, лучше бражки нет ничего. – Ганюшкин отметил этого мужичка как деревенского. – Мы в последнее время приспособились, в стиральную машину все заправляем и крутим. Слили во флягу, через неделю можно пить, за уши не оттянешь.

– Я втихушку самогон гнал, разолью его по бутылкам и в огороде закопаю. Понятно, пока капает, несколько раз попробуешь, а к оконцовке уже и соображать перестаёшь. Конечно, это когда баба к детям уедет или в больницу. Тогда свобода. Первый раз закопал в разных местах и потерял. Утром там порою, в другом месте – нету. Зато научился. Бутылки затыкаю тряпичной пробкой, а сверху валерьянки капну. Смело закапываю, а потом беру кота, он как ментовская собака, рычит, носом водит, а потом падает передними лапами прямо на бутылку. Все, отрою, кота на крышу и вперёд.

Мужики выдумку оценили и даже посмеялись, но один возразил:

– С валерьянкой надо аккуратно, у нас такой случай был. Бабочка одна выпивала, я и сам у ней бывал, сиживали, а тут пришла она из гостей, и плохо стало с сердцем. Ухватила пузырёк с валерьянкой, хлебнула, да и умерла, а пузырь на лицо пролился. И что ты думаешь? Пришли утром, а у неё на груди кот сидит, и губы уже съедены, все зубы наголе. Жутко

смотреть, так её и похоронили, не открывали.

Притихли, потом кто-то выговорился:

– Ты больше при мне такую жуть не рассказывай.

– Ладно, ребята, анекдот по нашей теме. – Молодой мужик, явно городской, уже прихихатывал: – Решили учёные проверить, как водка влияет на производительность труда. Дали токарю сто грамм – точит, ещё сто – точит, и так чуть не литру. Вдруг токарь остановил станок: все, говорит, работать больше не могу. Но руководить ещё могу!

Дружный хохот сшевелил листья пожелтевшего фикуса.

Ганюшкин тоже мог бы рассказать кое-что из его опыта, но воздержался. Однажды в пятницу он вернулся с какого-то собрания в совхозе, после которого хорошо посидели в столовой, коньяк лился рекой, и мясо подавали горячее через каждые пятнадцать минут. Володя с трудом выволок его из машины, потом Елизавета Александровна вышла, помогла. Рано утром она ушла к дочери, закрыв дом на замки и убрав все ключи. Ганюшкин даже обрадовался, что супруги нет и никто не будет ругаться, но весёлость быстро пропала: ни в холодильнике, ни в его сейфе спиртного не было. Обыскав все, он позвонил Володе.

– Володя, так получилось, я в изоляции. Принеси две бутылки «Столичной», только имей в виду, ворота наверняка заперты, придётся через забор и к форточке.

Когда Володя постучал в окно, Ганюшкин открыл форточку, бросил наружу пояс от Лизиного халата и осторожно

втащил бутылки.

– Володя, извини и спасибо тебе.

– Елизавета Александровна меня убьёт и права будет.

– Да нет, она и не узнает.

Володя улыбнулся:

– Даже и спрашивать не будет, и так ясно, кто принёс. Ладно, пошёл я.

Одну бутылку Фёдор выпил почти сразу, ощутил бодрость и уверенность, достал из холодильника кастрюлю с борщом, разогрел и с аппетитом поел. Как быть со второй бутылкой? Оставить на виду – Лиза выльет в раковину, спрятать – при ней не выпьешь. Он лихорадочно соображал, что же делать. Решение пришло неожиданно. В стеклянном серванте шеренгой стояли хрустальные фужеры, он открыл бутылку и налил несколько фужеров по самый край. Закрыв дверцу, присмотрелся и улыбнулся: пустые фужеры, никто не догадается. И вдруг самому стало стыдно за эту хитрость.

– Ничего, за вечер приду в себя, а в воскресенье надо отсыпаться.

Елизавета удивлённо посмотрела на довольного мужа:

– Опять Володю гонял за водкой?

– С чего ты взяла? Никакой водки.

– Уволится он от тебя. Позоришься перед парнем.

Ганюшкин возмутился:

– Довольно! Я дома и могу делать, что захочу. Например, сейчас буду спать.

– Иди в кабинет, здесь воняет перегаром.

– Извини, но я хочу в зале. Включи телевизор.

Лиза хлопнула дверью и ушла на кухню. Фёдор проспал несколько часов, но встал разбитым. Лиза в ванной стирала белье, машина гудела, и время от времени лилась вода. Он подошёл к буфету, взял полный фужер и выпил. Снова лёг на диван. Через полчаса поднялся, выпил ещё фужер. Пошёл на кухню. Лиза выглянула из ванной комнаты и всплеснула руками:

– Федя, ты прячешь спиртное? Ты пьёшь втихушку.

– С чего ты взяла? Я абсолютно трезвый.

Лиза пошла в зал, заглянула в тумбочки, потрогала книги, откинула шторы:

– Федя, где бутылка?

– Я же говорю тебе, что нету.

– Поразительно! – Лиза действительно была сильно удивлена. Она не входила больше в зал, и за вечер Фёдор выпил всю водку. Успокоившись, лёг спать. Утром мучился, но к обеду все прошло, натопил баню, попарился, сунул под язык таблетку снотворного и ушёл в кабинет. Он никогда никому не рассказывал о своей находке и ещё несколько раз пользовался этим приёмом.

Два года после лечения Фёдор избегал застолий и даже в домашней компании старался отделаться квасом или минералкой. Лиза, этого нельзя было не заметить, старалась ему во всем угодить, каждое утро свежая рубашка, к имеющимся костюмам она купила ещё три, и теперь Ганюшкин менял их каждый день. В отличие от Лизы, у него ничего светлого в семейной жизни не появилось. Если после пьяного возвращения домой он старался быть покладистым и не усиливать напряжённость, понимал, что любые претензии могут обернуться скандалом, то теперь, держа практически Бога за бороду, он стал менять тактику. Его всегда, ежеминутно в её присутствии мучил вопрос, кто же был у неё раньше? Она действительно была любовницей Трыля и основой его удачной карьеры? Он понимал, что так продолжаться не может, это глупо, несерьёзно, знание ничего не может изменить, но эта загадка его бесила, она превращала умного здорового мужика в неврастеника.

В этот вечер Лиза была особенно радушна, рассказала об успехах дочерей, похвасталась новыми книгами, которые только что принесла из магазина. Полистав одну, другую, Фёдор вдруг понял, что сейчас он спросит, вот сейчас, только она отвернётся. Нет, пусть она выйдет на кухню, надо собраться с духом.

– Принеси минералку из холодильника.

– Тебе со льдом?

– Не знаю. Хотя постой. Лиза, мы ведь так и не закончили разговор нашего первого брачного дня. Ты мне скажешь, с кем ты... была до меня?

Лиза села в кресло и закрыла лицо руками:

– Я все время ждала этот вопрос. Ты маньяк, ты истрепал нервы с пьянкой с молодости, потому сейчас, после двадцати лет совместной жизни, после двух девочек, которых мы родили и воспитали, ты задаёшь мне вопрос, который не имеет уже никакого значения.

Ганюшкин встал:

– Я бы просил тебя не дёргать мои выпивки, и не надо делать вид, что это первый разговор. Тогда ты прикрылась райкомом, Трылем, вы купили тогда мою честь и мою гордость райкомовской должностью и шикарной квартирой.

Лиза уже успокоилась и легко парировала:

– Федя, гордого и честолюбивого человека нельзя купить ничем. Это я кстати. Да, у меня был мужчина, но это ещё до нашего знакомства. Да, я не соглашалась на близость с тобой до свадьбы, потому что уже тогда я понимала: ты меня бросишь. Да, я пошла на подлог, на обман, но сделала это в расчёте на твою любовь. Увы, я ошиблась. Для тебя вопрос моей... невинности стал комом в горле. Хорошо, сейчас ты все знаешь. Что ещё?

Ганюшкин чувствовал, что кружится голова, дрожит все

тело, его переполняет гнев и он готов ударить эту женщину, столько лет близкую и столь чужую ему.

– Что ещё, спрашиваешь ты? Я хочу знать, кто этот счастливчик. Я хочу знать его имя, потому что все эти годы он смеётся надо мной и видит меня с рогами!

Лиза заплакала:

– Фёдор, что ты говоришь!?! Этого человека уже давно нет в районе, ты его даже не видел, и он тебя не знает.

– Где он сейчас? Где он работает?

– Федя, ты параноик, я не знаю, где он и что с ним, тебя это устраивает?

– Нет. Ещё вопрос. Что у тебя было с Трылем? Ты была его любовницей? Отвечай!

Лиза успокоилась:

– Все, Федя, дальше некуда. Что ещё ты приготовил?

– Я скажу тебе, что, наверно, никогда бы не насмелился сказать. С той самой ночи я тебя ненавижу, понимаешь, гляжу и ненавижу, обнимаю, тискаю и ненавижу. Да, в этот момент я представляю другую. Меня бесит, что до меня всем этим пользовался другой мужчина. Все, я тебе сказал все, что имел сказать. Мы разведёмся. Конечно, меня снимут с работы. Ну, и хрен с нею, мне уже ничего не надо, я страшно устал за эти годы.

Лиза молча вышла из комнаты и через минуту он слышал, как сработал замок в комнате для гостей: она будет спать там.

Но судьба хранила своего баловня. Странно, но утром он

чувствовал себя вполне нормально, ушёл в исполком в семь часов, так и не увидев Лизу. К одиннадцати часам раскрутил все запланированные вопросы, выпил чашку кофе. Прозвучал гудок прямого телефона первого секретаря:

– Ты свободен? Вот и славно. Зайди ко мне.

Трыль, постаревший, но все такой же энергичный и напористый, не вставая, пожал руку, указал на кресло справа.

– Как дела? Что дома? Все нормально? Дочери здоровы?

Что ты молчишь?

Ганюшкин засмеялся:

– Столько вопросов сразу. Все нормально, Иван Минович, а вот двух руководителей надо менять. Я имею в виду бытовое обслуживание и коммунальщика. Ничем не могу прошибить, планы валят, нового ничего нет, от других районов позорно отстаём.

Трыль молча слушал и никак не реагировал, Ганюшкину даже показалось, что он вообще не слушает его бурную речь.

– Так, Фёдор Петрович, теперь меня послушай. Сегодня первый дал добро на мою отставку. Пристроят в народный контроль, там ещё послужу. Я назвал твою кандидатуру, первый согласился, так что готовь документы. Пригласи Бытова и скажи, чтобы через машинисток информация не ушла из райкома. Мне эти разговоры ни к чему. Вот проведём пленум, тогда пусть обсуждают. Вопросы есть?

Ганюшкин боялся выдать своё смущение, плохо они сочетались: громкое заявление о разводе и сегодняшнее пред-

ложение. Был момент, когда Ганюшкин готов был сказать: «Иван Минович, вы мне однажды уже помешали исполнить своё решение, в результате я двадцать лет прожил с нелюбимой женщиной, но зато сделал карьеру. Вчера я заявил жене об окончательном разводе – сегодня вы вновь невольно заставите меня отказаться от этого решения и оставить все, как есть, а взамен получить высшую районную должность».

Он мог бы это сказать, но не сказал, и Трыль заметил заминку:

– Тебя что-то смущает? Не нравится мне твоё лицо. У тебя с Лизой все нормально? Фёдор, не заставляй меня вмешиваться.

Ганюшкин взял себя в руки, посмотрел в глаза своему шефу и с улыбкой ответил:

– Какие у нас с Лизой могут быть проблемы, Иван Минович?

– Правильно. Я помню, как ты закусил удила после свадьбы, ладно, что за ум взялся. Все, иди, скоро на обед.

Обед не обещал ему ничего хорошего, он прекрасно понимал, что просто вынужден будет пойти по проторённой однажды мерзкой дорожке, но понимал и то, какую цену заплатит, если ничего не изменит. Хотя почему ты решил, что все от тебя зависит. А Лиза? Если она опрётся, а оскорбил ты её вчера окончательно, по женской линии оскорбил, а для женщины нет ничего обиднее таких примерно слов, что ты ей вчера наворотил, одно «тискаю, и ненавижу» чего стоит. Ты

поставь себя на её место, это не ты, а она тебе говорит, что в постели вместо тебя представляет другого мужчину, того, первого. Каково? Сразу запотряхивало? Но говорить с ней надо, причём ни слова о том, что от её решения зависит твоё новое назначение, иначе она вымотает все нервы и в итоге соберёт чемоданы. А может быть, и тебя выставит с вещами на выход.

Ганюшкин выехал за околицу, чтобы не мешали думать. Как ни крути, надо падать в ноги и молить о прощении, сослаться на нервное напряжение, на длительное воздержание от спиртного, сказать о готовности немедленно начать лечение нервов, психики – чего угодно. На девчонок уповать, мы с тобой можем ссориться и мириться, но девочки не должны ничего знать, у них свои семьи. Хотя глупо, конечно, будет звучать после стольких лет пьяных ночных возвращений, которые они если и не видели, то слышали определённо. Ну и пусть, зато она увидит, что ты это все понимаешь и готов к переменам. В общем, так: приезжаешь домой, с порога падаешь на колени в прямом смысле и просишь прощения со слезными, если обстановка потребует, клятвенными обещаниями никогда больше не обижать любимую жену ни словом, ни... Чем ещё можно обидеть? Черт, натворить столько глупостей надо суметь, а вот как теперь за них отвечать? Но – решено.

Дом открыт, на кухне тихо и чисто, никаких многообещающих вкусных запахов. Лиза в зале сидит на диване, поджав

ноги. Глаза сухие. Вошёл, она даже головы не подняла. Ганюшкин подошёл к дивану и встал на колени:

– Лиза, умоляю тебя, я прошу прощения. Ну, сорвался, да, болен, это все алкоголизм, но я буду продолжать лечение. Ты же знаешь, что я уже давно не пью. Лиза, не молчи, скажи, что ты меня простила, обними, как прежде.

Лиза молча выслушала тираду и вдруг улыбнулась:

– Сколько нового я сейчас о тебе узнала. И признаешь, и будешь лечиться. Ты про детей ещё напomini, что мне придётся им все объяснить.

Фёдор испугался:

– Лиза, ты о чем говоришь? Я никуда тебя не отпущу, слышишь, я тебя не пущу и не уйду сам. Да, и дети, конечно, но я не хотел ими спекулировать. Поставь мне любые условия, Лизанька, я все выполню, клянусь тебе.

Лиза встала и перешла в кресло. Стоять перед пустым диваном было нелепо, и Фёдор тоже встал. Нехорошая тишина стояла в доме, он не знал, что говорить и делать дальше. Сел на её ещё тёплое место на диване.

– Может, ты скажешь, что надумала делать, Лиза?

Она кивнула:

– Конечно, скажу. Сегодня ложусь в больницу, ничего страшного, просто аборт. Хорошо, что не успела тебе сказать до твоих сердечных признаний, что беременна, ведь мы так хотели сына. Теперь никого не будет. Приду в себя и буду искать работу в другом районе, у меня есть знакомые, помо-

гут. Жить мы с тобой, Федя, больше не сможем.

Ганюшкин в сообщении про беременность увидел какую-то соломинку, да, этот ребёнок должен их примирить, Лиза не может не понимать, что большие перемены в семье помогут загладить боль от вчерашней обиды.

– Лиза, послушай меня. – Он опять встал перед нею на колени. – Послушай. Это очень хорошо, что ты в положении. Это хороший знак нам всем, и девочкам тоже. Я переменюсь, клянусь тебе, ты будешь дома с маленьким, я буду тебе помогать, у нас будет замечательная семья, Лиза!

Лиза вдруг заревела в голос, по-бабьи, когда никого не стыдно и совсем все равно, что об этом подумают окружающие, она выла, как выла когда-то мама над умершим отцом. У русской бабы звук этот хоронится до поры и в минуту наивысшего напряжения вырывается наружу из не сумевшей удержать его души, и тогда мало кто сможет утерпеть и не вытереть влажных глаз. Фёдор испугался, поднял голову, а Лиза глядела на него красными от напряжения глазами, и в них было все – прощение, любовь, жажда жизни. Он осторожно коснулся её рук, и она ухватила его руки, словно он мог выскользнуть и сорваться в бездну.

– Лизанька...

– Федя...

– Лизанька, милая...

– Федя, уведи меня в спальню и закрой дверь на ключ, а то вдруг кто-нибудь придёт...

Они долго ещё лежали, обнявшись, как после долгой разлуки, пока большие часы в зале не пробили дважды. Лиза улыбнулась:

– Меня за опоздания с работы уволят.

Фёдор с улыбкой ответил:

– Я за тебя похлопочу. – В это мгновение густая волна прокатилась по всему телу, волна жалости к этой женщине, которая перед ним ни в чем не виновата, и её девичья слабость перед настойчивостью любимого, наверное, человека – самая малость по сравнению с его баловством, только она свою ошибку скрыть не может, а он может прикинуться наивным и безгрешным. Фёдор обнял её сзади за плечи и поцеловал в шею, она всегда смеялась, когда он касался шеи.

Лиза вдруг резко повернулась:

– Федя, неужели ты меня и вправду любишь?

Он смутился и велел собираться скорее.

Высадив жену, Ганюшкин подъехал к исполкому, передал машину Володе с наказом быть готовым к поездке в область. Вошёл в кабинет, тяжело опустился в кресло, зажал руками голову. Ладно, из этой схватки он вышел победителем, завтра в обкоме он получит добро, через пару дней пленум, и он – первый секретарь. Тогда Лиза уже не будет столь строптивой, все-таки статус жены первого в районе особый, она умная женщина и будет вести себя соответственно.

прописанному инструкцией. Никто не удивился, что первым рекомендован Ганюшкин, только несколько старых хозяйственников переглянулись и пожали плечами. Что Ганюшкин злоупотребляет спиртным, знали многие, но в глаза ни ему, ни Трылю никто не говорил. Каким-то образом всплыла история его поездки в Челябинск, любознательные даже подсчитали, что несколько лет после этого председатель райисполкома даже после отчётных собраний в совхозах в столовую не шёл и за стол не садился. Ганюшкин вызвал Володю и в упор спросил:

– Ты кому-то говорил про Челябинск?

Володя взгляда не отвёл:

– Никому ни слова, Фёдор Петрович.

– Верю. Ступай.

Через райкомовского заворга и секретаря райисполкома исполнительную Галину Александровну он перевёл Катерину секретарём приёмной первого. Как ему казалось, никто этого не заметил.

В первый вечер после пленума Лиза встретила его улыбкой, но он ошибся о её причине: Лиза улыбалась не от радости и счастья, только несколько дней назад вернувшихся в их дом. Она действительно была удивлена изворотливостью и живучестью мужа.

– Федя, я не стану тебя поздравлять с избранием первым, не думаю, что это хороший выбор, но уверена, что ненадолго. Какой артист в тебе погиб, Федя! Как ты все разыграл:

и лечение, и прощение, и ребёночка – все в одну колоду, и банк твой. Все кончилось, как у порядочных супругов, – постелью и страстными поцелуями. Тебе надо было любой ценой получить перемирие в семье, чтобы стать первым.

Фёдор поймал её за плечи:

– Лиза, да, момент был ответственный, но ведь ничего не изменилось, все мои обещания остаются в силе. Что тебя не устраивает? То, что твой муж стал первым секретарём?

Лиза выпросталась из его объятий и отошла к столу:

– Меня не устраивает твоя постоянная ложь, ты заврался настолько, что в экстазе назвал меня Катериной. Господи, до чего мы дошли? И ты считаешь, что имеешь моральное право быть первым руководителем? Да никогда!

Фёдор не на шутку испугался:

– Ты что, собираешься ехать в обком?

Лиза засмеялась:

– Этого ещё не хватало! Тебя и так очень быстро раскусят. Подводим итог: я еду к Вале на Север, там сделаю аборт. Оттуда подам заявление на развод. Можешь привести в дом Катю. Хотя тебя, наверное, снимут с должности, и девушка потеряет всякий интерес.

К дому подошла машина.

– Это за мной. Нина прислала. Прощай.

И она хлопнула дверью.

Через месяц Ганюшкин попросил разрешения на выходные слетать в Сургут. Валентина выговорила ему все: и пьян-

ки, и разборки, и девушек, как будто их было много. Лиза молчала. Вечером он подошёл к ней, когда остались вдвоём в комнате:

– Прошу тебя вернуться домой. Ну, не дело жить вот так. Мне без тебя плохо.

– А мне хорошо, Ганюшкин? Как ты думаешь? – Она вытерла слезы. – Не упрекай меня, что не выполнила все обещания, но детей у нас больше не будет. Заявление на развод я написала, но так и не отправила. И я хочу домой, на свою работу, в свой дом.

И они вернулись вместе.

Через год Ганюшкина направили в Москву на учёбу. Лиза, собирая его, молчала. Когда подъехал Володя, она обняла мужа и прошептала:

– Федя, если ты не начнёшь там пить, мы будем самой счастливой семьёй. Помни это.

На курсы прибыли первые секретари сельских райкомов со всех союзных республик, в номере с Фёдором поселился грузин Ваню. Ваню отправляли в столицу всем районом, два молодых человека внесли в номер его вещи, среди которых было несколько больших кувшинов с вином.

– Фёдор, в Сибири пьют самогон, у нас делают чачу. Но я привёз лучшие вина, которые, как малых детей, нянчат наши виноделы, Герои Труда. Вот это вино из винограда хихви, это оджалеши, здесь качичи, нет, мцване. Это известное ркацетели, каберне, алиготе, да, кувшин шардоне и кувшин

чхавери. На полный курс марксизма-ленинизма!

Фёдор осмотрел все эти чудеса и сказал соседу:

– Дорогой Ваню, я совсем не пью, придётся нам с кем-то поменяться местами, чтобы у тебя был настоящий сосед.

Грузин вскочил:

– Ты что, дорогой Фёдор, не уважаешь Ваню Аргуташвили? Мы не будем пить, мы будем пробовать.

Фёдор боялся, что вино может вызвать реакцию, о которой говорил врач в Челябинске, но внутренне он уже понимал, что пить будет. Налили по бокалу, Фёдор отпил два глотка, в голове привычно зашумело, он выпил ещё, заколотилось сердце, налил полный бокал и выпил залпом.

– Ну вот, дорогой, а говоришь, что не пьёшь. Давай ещё.

Ганюшкин едва сидел на лекциях, перед зачётами стоял под душем и тщательно натирался одеколоном. После сдачи зачётов и получения свидетельств гуляли ещё три дня, грузин договорился с заведующей общежитием. Ганюшкина погрузили в самолёт, и испуганный Володя принял его с трапа самолёта в Тюмени. Пока ехали домой, Фёдор выпил ещё бутылку коньяку.

Лиза открыла дверь без удивления и огорчения, Володя занёс чемодан. Весь следующий день Фёдор отсыпался, но междугородный звонок его поднял.

– Здравствуй, Пахотин. Почему не на работе?

– Приболел, завтра выхожу.

– У тебя пленум на декабрь, готовь, пошлю инструктора

в помощь, а проведёте сами. До свиданья.

Жизнь вернулась в уже почти забытую колею. Вечером Ганюшкин приезжал домой и входил с помощью Володи, утром стакан коньяка, кофе и горячий суп. К обеду надо было подкрепляться, и он выпивал стакан прямо из сейфа. В хозяйствах ни с кем не ужинал, заезжал к хорошим знакомым, где ему всегда были рады. Лиза молчала, утром помогала собраться и ждала финала, который она хорошо представляла. Говорить с Ганюшкиным об этом было бесполезно:

– Лиза, кто пикнет? Да они у меня все вот где! – И показывал свой крепкий кулак. Лиза не комментировала, потому что границу понимания Фёдор уже перешёл. Так прошли ещё три месяца.

Пленум райкома по организационно-партийной работе готовили громко, материалы печатали в газете, к обсуждению через журналистов привлекли рядовых членов партии. Доклад Ганюшкин дважды возвращал на доработку, причём работал над ним дома, под коньячок, быстро обнаруживал слабые места, делал на полях беспощадные замечания и требования. Он знал, что в аппарате его недолюбливают как выскочку: вчера был заворгом, сегодня первый. Наконец, доклад утрясли, стали разбираться с выступающими.

– Скажи, пожалуйста, что может интересного доложить пленуму парторг Сорокинского совхоза? Он же безграмотный, в слове из трёх букв четыре ошибки делает. Если ему есть что сказать по содержанию работы, поезжай к нему,

и готовьте текст на месте. Но чтобы это было выступление, а не пожелания трудящихся, – распекал он заворга Митрохина.

Накануне пленума вечером к нему домой приехали два директора совхозов.

– Извини, Фёдор Петрович, едем из Тюмени, подписали нам титулы на животноводческие комплексы. В облстрое так и сказали: «Благодарите своего первого, он тут все пороги обил». Тут была доля правды, Ганюшкин пару раз заходил к строителям, но ребята явно переоценивают его роль. Теков и Митрофанов переглянулись:

– Фёдор Петрович, у нас бутылочка коньячка есть. Сбрызнуть надо это дело.

Ганюшкин неловко улыбнулся:

– Вы, друзья, не забывайте, что пленум завтра, какой коньяк?

– Да ну, Фёдор Петрович, по рюмочке не повредит.

Ганюшкин пошёл на кухню, Лиза была на взводе:

– Федя, не пей, завтра пленум, будет кто-то из обкома, и как ты будешь выглядеть? Им-то в зале сидеть. Хотя – когда они в Тюмень успели смотаться, я Текова сегодня в госбанке видела?

Но Ганюшкин уже не слышал, принёс холодную закуску, конфеты, рюмки. Выпили по одной, потом по второй, Теков хотел достать ещё одну бутылку, но Ганюшкин категорически поднял руки. Расстались. Проводив гостей, Фёдор вошёл

в комнату и у кресла увидел оставленную Тековым бутылку. Взял её, Лизе крикнул, что пошёл в кабинет работать, закрыл дверь и сел на раскинутый диван. Убрать бутылку уже не было сил, он знал, что не уснёт, если она будет тут, вообще не уснёт, если не выпьет ещё рюмку.

К полуночи бутылка была пуста, Фёдор сумел спрятать её в сейф, где накопилось уже немало тары, едва стянул с себя брюки и рухнул на постель. После неудачного лечения опьянения происходили быстрее и проходили долго и тяжело. Он не слышал будильника, в шесть вошла Лиза и ужаснулась: опухший, полупьяный Фёдор не мог двух слов связать. Она насильно поставила его под душ и добавила холодной воды:

– Что ты делаешь, мне холодно, Лиза!

– Постой хоть четверть часа, хмель выйдет. Федя, сегодня пленум, как ты мог?

– Ладно, все обойдётся. Приготовь мне кофе и рюмку коньяку. Ты же знаешь... И не переживай, из обкома никого не будет, а свои переморщатся и не пикнут.

– Ох, Федя-Федя! – только и сказала Лиза, помогая ему надеть костюм и поправляя как всегда свалившийся в сторону галстук.

Он быстро прошёл в свой кабинет, Митрохин вошёл следом и доложил:

– Только что прибыл заведующий орготделом обкома товарищ Пахотин. Он заехал в колхоз Ленина, к открытию будет.

– У тебя все готово? Смотри! А что Пахотин так неожиданно, ведь не собирался?

– Не могу знать, Фёдор Петрович.

– Ладно, свободен.

Прямо в сейфе налил рюмку, выпил. Заел каким-то мускатом, что ли. С Пахотиным поздоровались на ходу, доклад читал второй секретарь, выступления пошли нормально. Фёдор чувствовал, что похмелье начинает его донимать, выступил пот, в руках появилась дрожь. Пахотин написал записку и передал ему. Фёдор развернул:

«Заключительное слово за докладчиком. Тебе лучше не выступать».

Когда все разошлись, в кабинете остались он и Пахотин.

– Я специально приехал без предупреждения. К сожалению, жалобы в обком на твою пьянку имеют основания. Завтра доложу первому, жди вызова.

Вызова Ганюшкин не дождался. Приехал секретарь обкома по селу, срочно собрали бюро, потом пленум, и Ганюшкина освободили от обязанностей первого секретаря, члена бюро и члена райкома. Партийной организации было рекомендовано в двухдневный срок решить вопрос о пребывании Ганюшкина в рядах партии. Уже выходя через чёрный ход, вспомнил, что в сейфе осталась недопитая бутылка, вернулся, попросил уборщицу потихоньку вынести всю тару, бутылку поставил в портфель и пошёл домой.

Лиза уже все знала. Он прошёл на кухню, налил полный

стакан коньяка и выпил.

– Эти двое вчера приезжали специально тебя спoitь и бутылку оставили специально. Федя, как хочешь, но я так жить не могу. Я сегодня же уезжаю к Вале в Сургут. Сберкнижки все на месте, пей, гуляй. Меня тебе упрекнуть не в чем, я боролась, сколько могла. Теперь только ты сам можешь что-то предпринять. Но – без меня. Прощай.

Он остался один, вообще один, без семьи, без работы, без партии, конечно, он не пойдёт на это унижительное собрание. А Катя? Так давно её не видел! Может быть, в ней спасение? Позвонить?

Он набрал номер, Катя ответила сразу:

– Я все знаю, Фёдор Петрович, даже как-то странно. Но мы не будем больше встречаться, тем более, что есть парень, который зовёт меня замуж. До свиданья, Фёдор Петрович.

Вот так. Ганюшкин так громко захохотал, что сам испугался собственного голоса. Мир встал на дыбы! Все перевернулось в один день! Достал из портфеля початую бутылку, глотнул из горлышка, стало полегче. Кто-то стукнул дверь, окликнул хозяев. Фёдор вышел: Володя, водитель!

– Здравствуй, Володя, дорогой ты мой человек. Проходи. Видишь, я теперь совсем один.

– Как это – один? – не понял Володя. – А Елизавета Александровна?

Ганюшкин горько улыбнулся:

– Она уехала к дочери на Север. Так что я холостяк.

– Я что пришёл, Фёдор Петрович, вы меня извините, но мы с вами как жили дружно, так и остаёмся. Если чем могу – всегда помогу. Ну, побежал я, машина на улице.

Когда хлопнула дверь, Ганюшкин сел в кресло и заплакал. Надо было жить, а он не знал, как.

Почему ему вдруг вспомнилась эта картина: сидят в котельной мужики, на всех один стакан. Пускают его по кругу, все честно, без обмана, а тут приходит он, всех спугнул, все нарушил. Ну-ка, где это было? Да, в южной квартальной котельной. Ещё не понимая, что он собрался сделать, Ганюшкин поставил в карман полупустую бутылку и надел пальто, потом снял, нашёл в кладовке фуфайку, старые валенки и пошёл к той котельной. Мужики будто не уходили, или ему так показалось, когда он вошёл, они насторожились, а потом как-то по-свойски пригласили к столу:

– Садись с нами, чем богаты...

– Кто это? Ты его знаешь?

– Какая разница. Человек.

Раз в неделю он ходил в сберкассу и снимал деньги, но они быстро кончались. Вокруг него постоянно были какие-то люди, никто из бывших сослуживцев не звонил и не приходил. Нина в выходные оставляла дома, он терпел, пока она делал уборку, что-то готовила.

– Папа, воздержись, закройся за мной и отоспись. Посмотри на себя, ты похудел, состарился. Папа!

Она уходила, и он доставал бутылку.

Несколько раз заходил в ту котельную, когда было тяжело одному. Вот и в этот раз мужики встретили его, как своего, посадили за стол, налили стакан водки. Ганюшкин достал из кармана свою бутылку.

Выпили по кругу, гость неуверенно поставил на стол стакан, захрипел, завалился на бок и потерял сознание.

– Мать твою... Нам только этого не хватало.

– Чего орёшь? Беги к моей, у нас телефон есть. Вызывай скорую.

Через полчаса больной Ганюшкин уже лежал в реанимационной палате, а сестры все не могли поверить, что это вчерашний секретарь райкома.

После обхода доктор Струев сказал, чтобы больного готовили к переводу в отделение терапии, а Ганюшкина упокоил:

– Я договорился с заведующей отделением, вас положат в отдельную палату.

Первую ночь в отделении он спал плохо, постоянно подходили сестры со шприцами, помогали повернуться на бок и делали больные уколы. Под утро крепко уснул, даже увидел сон, нормальный, без крови и боли. Будто косит он траву на родных лугах, как бывало в доармейской юности, косит, а травы высокие, густые, но сила молодецкая, Фёдор даже рад тому, что вслед за литовкой остаётся высоченный рядок травы. И вдруг откуда-то со стороны Большого Омута, где и дорог-то никаких нет, идёт девушка, в летнем платье, платок так повязан, что только одни глаза. Подошла и молча стала траву сгребать. Фёдор остановился:

– Ты что делаешь? Трава же ещё не просохла, сопрёт в валках.

А та его не слышит, сгребает и сгребает.

– Остановись, тебе говорят! И кто ты такая, что на нашем покосе управляешься?

Она глянула на него, и Фёдор отпрянул: Лиза, та ещё, какую он встретил в райкоме комсомола и с которой целовались в кабинете до одури, а она все показывала на дверь, ко-

торая изнутри не запирается. Пошёл было к ней, а она платок скинула, и не Лиза уже, а девчонка с первого курса института в Свердловске, а потом ещё и ещё лица, и вдруг Катя. Ну, прямо как живая.

– Катерина, а ты тут откуда?

– Да вот пришла посмотреть, как ты без меня.

Фёдор хотел было пожаловаться, что измотала болезнь, жить не хочется, такое было состояние, но удержался, спокойно ответил:

– Жалко, конечно, что расстались, все-таки восемь лет вместе.

– Ладно, воспоминания тебе оставляю, а я замуж выхожу.

– А ведь я любил тебя сильно, наверное, никого так не любил.

И проснулся. Так обидно, что сон кончился, интересно, что бы ответила ему Катя? Открыл глаза: перед ним на табуретке сидит старик с окладистой бородой и длинными, давно не стриженными волосами. Фёдор даже оробел, но старик руку положил ему на плечо:

– Не пужайся, я не виденье и не из твоих снов, которые ты только смотрел.

– Откуда вы про сон знаете?

– Да только то и знаю, что ты сказал. Это хорошо и правильно, если мужчине девушки снятся. Душу должно волновать, иначе заскорбнет. Мужчина всегда остаётся мужчиной, а вот женщина отцвела, и куды теперь? Я вот восьмой

десяток доживаю, а новой раз такое приснится, что встаёшь ночью и молишься о греховных помыслах своих. Ну, ладно, не о грехах пришёл я к тебе, как услышал про твоё несчастье. Пришёл, чтобы поддержать и помочь тебе по-человечески. Али ты меня не признаешь?

Фёдор смутился. Конечно, он узнал этого старика, который в первый год его председательства пришёл на приём с рассказами о чудесах природы. Ганюшкин тогда сильно спешил, деда выслушал и практически выпроводил, но предложения его записал и дал соответствующие распоряжения. На сад выделили небольшую сумму бюджетных средств, Фёдор поехал к новому директору совхоза, вчерашнему парт-оргу, с которым у бывшего заворга были самые хорошие отношения. Он же и рекомендовал парня на директора совхоза. Как его фамилия? Господи, неужели совсем память отказала? Фёдор пробежался по алфавиту, как делал в таких случаях, вспомнил: Гейн, Виктор Карлович, из второго поколения поволжских немцев, в первый год войны переселённых в Сибирь. Гейн идею поддержал, и надо отметить, многое было сделано. Ганюшкин несколько раз был на Острове, его увозили на катере, Гейн показывал новые посадки, уже оформившиеся аллеи яблонь, груш, слив, мощные заросли кустарников малины, смородины, ежевики, плантации земляники нескольких сортов.

– Все делается нашими рабочими и школьниками, научный руководитель агроном Людмила Сизова, а вдохновитель

всего – старец наш Тимофей Павлович. Он часто вас вспоминает, благодарит за поддержку.

Ганюшкин даже насторожился: с чего бы это? Ну, деньги пробил, технику кое-какую, какая ещё поддержка? Но возражать не стал. А вскоре Виктор Карлович привёз ему гостинец. Целый пакет яблок в приёмной уложили в огромную вазу, и Гейн вошёл с нею в кабинет:

– Ты купил или продаёшь? – шутя спросил Ганюшкин.

– Обижаете, Фёдор Петрович, это яблоки из нашего сада.

Встретились с дедом на Острове уже в августе, захотелось своими глазами посмотреть на то, о чем по всему району разговоры шли. Дед встретил на пристани, прошли по посыпанным песком дорожкам, а дед все теснит гостя в одну сторону, попутно сожалея, что отказали в строительстве санатория.

– Мы вызывали бригаду института курортологии, дали заключение, что не хватает нескольких микроэлементов, чтобы официально признать грязь лечебной.

Старик возмутился:

– И это называется наука? Люди лечатся, лежачие встают и кидают костыли, я сам пользуюсь от ревматизма и прочих костных дел. Ладно. Вот, пришли, полюбуйте! Вот, дорогой Фёдор Петрович, какие чудеса Господь позволяет делать недостойному и грешному человеку.

На развесистой яблоне, каждую ветвь которой поддерживали берёзовые подпорки, густо гнездились яблоки разных сортов и форм, груши и сливы.

– А что удивительного, Тимофей Павлович? Такие опыты проводил ещё Мичурин.

Старик всплеснул руками:

– Ну, до чего вы бестолковый человек. Я вам про Фому, вы все про Ерему. Скажите на милость, если бы Господь не попустился и не позволил бы вмешиваться в дела творения, смогли мы вырастить на яблоне грушу, да ещё в Сибири? Да ни в жисть! Вот ракета полетела в космос, это что, просто так, подожгли и полетела? Да на все соизволение Божье! Без Бога ни до порога – это ещё когда старики сказали. И тут так же. Поглядел Господь на людей, на дела их и решил, что можно им позволить подняться чуть выше, осознать себя. Хотя, по моему разумению, рановато бы. Вот вы грамотный человек, вы Библию читали?

Ганюшкин вспомнил, что была в рекомендательных списках в партшколе такая книга, он полистал и бросил: скучно и неинтересно.

– Так я и думал. В этой книге, признанной во всем мире самой лучшей, описано, как Господь создавал твердь земную и воды, птиц и зверей, как бездну заполнил звёздами. Как развивалось обчество и как государства создавались и гибли по его воле в один миг. Попам вы можете не верить, но знать Библию должен каждый культурный человек. Это же целый мир, философия, не от Кантов и Гегелев, а от первоисточника. Вот у вас куры есть?

– Есть, жена ими занимается.

– Правильно. Куры яйца несут, потом цыплят выпаривают. Так?

Ганюшкин начал возмущаться:

– Чего вы темните? Яйца, курица. Какая связь?

– Я не темню, напротив, просвещаю. Скажите мне, что появилось вперёд: яйцо или курица?

– Какая разница? Была эволюция, в результате которой образовалось и яйцо, и курица, чтоб они пропали!

– Эволюцию придумал Дарвин, а перед смертью просил прощения у Бога за дерзость свою. Все великие учёные, отрицавшие Бога, в конце жизни приходили к нему, уверовали. Вот наш Павлов Иван Петрович, русский физиолог, всю жизнь кормил собачек по звонку, а перед смертью признался, что нет никого выше Бога. Это же общеизвестный факт.

Ганюшкин протянул старику руку:

– Спасибо за беседу, найду время, почитаю библию, потом продолжим...

И вот старик сидит у его кровати, а Фёдор никак не может вспомнить его имя.

– Ты не напрягайся, сынок, зови меня дедом Тимофеем либо дедой Тимой, мне больно глянется. И скажи мне свою жизнь, как если бы Господь тебя спросил: как ты жил, праведно ли, не обидел кого понапрасну, не навредил сам себе. На дверь не гляди, врач мне знакома, позволила говорить с тобой, сколь душе угодно. Успокойся и скажи.

Фёдор хотел что-то сказать, а горло перехватило, слово

завязло, только слезы потекли по худому и заросшему лицу. Он вытирал их рукой, а Тима остановил:

– Не тронь, это горючие слезы, они из самой глубины сердца. Их бы собрать да на божничку положить, как покаяние.

Ганюшкин никогда не думал, что способен совершенно незнакомому человеку рассказать самые потаённые тайны, вплоть до первопричины не сложившейся семейной жизни, патологической ревности жены к прошлому. Рассказать про пристрастие к спиртному, которое выбросило его из жизни, про лечение в Челябинской клинике и почти часовую процедуру непрерывных рвотных позывов, когда после последнего страшного укола медсестра в клеёнчатом халате, чтобы не заблевали алкоголики, подходит к каждому с тупым и бесстрастным вопросом: «Водочки налить?», а сама стаканом по бутылке постукивает. Их человек десять, все корчатся в рвотных судорогах, вода смывает всю гадость в отверстие в центре комнаты. Про девочку Катю, с которой как с женой прожил почти восемь лет, и позови она его сейчас, он пошёл бы за ней хоть куда. Но она его оставила и устраивает свою жизнь, а он уже ни на что не способен. Сказал про уход жены, про их неродившегося ребёнка.

– Я не вижу смысла в жизни. Все кончено. Ты согласишься мне, что я жалею, лучше бы умереть в пьяном угаре, чтобы ничего не чувствовать.

Старик опустил голову и слушал покаяние своего вновьявленного товарища. После этих слов он опять взял его за руку:

– А теперь послушай меня, сынок. Ты пережил страшное, не каждому дано, но ты вышел из преддверья ада человека, об этом слезы твои мне сказали. Ты даже сам ещё не понял, что ты преодолел. Самое трудное – себя, сынок, свою гордыню. Ты же умный человек, а весь в предрассудках. Бог так создал, что мужик до брака может такое творить, что уму не постижимо, вот как ты, по словам твоим. И ничего. В браке он праведник. А женщина, если допустила ошибку, зарубку получает на память. Вот ты и ухватился. Гордыня, Фёдор, ломай её, большой грех перед Богом и людьми. У тебя дочки умницы и красавицы, надо думать, я не зрил, но надеюсь, ибо есть нужда. Ты должен жене в ноги пасть и прощения просить, а ты ждал, когда она рухнет. По вину так скажу: Господь вино создал как продукт, и его следно принимать, но ограничено. Ты нарушил завет и поплатился. Ничего, и без вина люди живут, и ты будешь, тут у нас расхождений нет. Я не волшебник и не чародей, а простой смертный человек, но я на три десятка годов прожил больше, чем ты, и на тридцать годов тебя мудрее. Когда ты станешь на ноги, соберёшь вокруг себя семью свою и тоже скажешь покаянные слова, так же доступно, как мне. Только ты доверься Богу, не надо в церкву ходить, ежели веры нет, но ты ведь крещён, пусть даже погружением, как было в те времена, и у Бога записан. Обратись к нему с просьбой пособить тебе встать на путь истинный, семью вернуть, радость, счастье. И ты увидишь, как это хорошо. Ну, кажись, все, а то доктор уж дважды в дверь

заглядывала. Я ухожу, но мы с тобой встретимся ещё, в самую радостную минуту. Да хранит тебя Господь!

Сразу после обхода в палату вошла Лиза. Фёдор закрыл глаза и ждал. Лиза встала перед кроватью на колени, провела прохладной рукой по небритой щеке мужа:

– Похудел-то как, и оброс. – Она поцеловала его в щеку. Фёдор улыбнулся и открыл глаза. – Я думала, ты спишь. – Лиза смутилась. – Врач говорит, что все идёт к лучшему. А кто у тебя был, что за старик?

Фёдор взял жену за руку:

– Это уникальный старик, он знает все мои беды и проблемы и разом их все решает. Да, представь себе. Похоже, он угадал даже твой приезд.

– Я прямо с автобуса, вещи в коридоре оставила. Ты пока процедуры принимаешь, я схожу домой, а к вечеру приду и буду с тобой все время.

– Где же ты будешь спать?

Лиза засмеялась:

– А ты меняпустишь с краешка! Девочки мне пообещали кресло прикатить, оно раскидывается, как у нас.

Вечером Лиза пришла с большой сумкой, взяла ведро и чистую тряпку, тщательно с моющим средством вымыла пол, к тому времени нагрелся титан, сестры помогли положить Федора на каталку, и Лиза повезла его в ванную.

– Елизавета Александровна, смотрите, чтобы вода была не больше пятидесяти, – крикнула вслед доктор.

Ганюшкин, лежащий под простыней голый, ни за что не соглашался раскрываться, его так и положили в простыне, и только потом Лиза с трудом выволокла её из ванны. Она намылила ему голову, вехоткой натёрла спину, грудь и живот. Ноги, сидя по пояс под мыльной шапкой, он мыл сам, стесняясь Лизы. Потом она спустила воду, окатила из душевого шланга тёплой водой и завернула в мягкую домашнюю простыню.

– Федя, глупенький мой, ты что меня стесняешься? Я очень тебя люблю, родной!

Фёдор окончательно стушевался и проворчал:

– Нашла место для объяснений. Кто услышит – засмеют.

– Над любовью, Федя, никто смеяться не будет.

– Лиза, а ты говорила...

– Я поняла. Все, не надо об этом.

В палате уже сменили постельное, Лиза побрила Федора, освежила приятным лосьоном, стало свежо и чисто, открыла сумку с баночками и кастрюльками, и Ганюшкин впервые за три месяца нормально поел каши и выпил сока.

Скоро в отделении наступила тишина, Лиза сидела у кровати своего мужа и молча смотрела на его исхудавшее и бледное лицо. Фёдор понимал, что будет крупный и последний разговор, он внутренне был готов к нему, помня наказ деда Тимофея, но начинать разговор первым он не мог, не имел права. Лиза долго молчала, даже, когда он подал стакан, молча приняла и поставила на тумбочку.

– Федя, мы должны раз и навсегда закрыть тему твоего недоверия ко мне. Я тебя очень люблю, в этой ситуации, согласись, мне проще всего было бы подать на развод и все закончить. Девчонки все равно встали бы на мою сторону. Но я пришла и сижу у твоих ног. Жизнь продолжается, внуки скоро появятся. Ты готов к такой жизни? Ты не говори, только кивни.

Фёдор кивнул, и слеза скатилась на чистую простыню.

– Успокойся. Спи, набирайся сил. Я тоже распечатаю своё кресло.

Больной быстро пошёл на поправку, стал хорошо есть, давление стабилизировалось, боли в сердце, терзавшие его, ослабли. Доктор сказала, что на легковой машине его можно везти в кардиоцентр, все документы она подготовит и о приёме договорится.

Месяц в кардиоцентре дал очень хорошие результаты, Лиза жила у знакомых и каждый день приходила, Фёдор уже ждал в вестибюле, они уединялись за фикусом, говорили и целовались, как молодые. За неделю до выписки Лиза уехала домой наводить порядок. Когда объявили о выписке, она позвонила дочери Валентине, организовали легковую машину, и к вечеру были дома.

Ганюшкин вошёл в свой дом, как в чужой, он не был здесь три месяца, да и предыдущие месяцы трудно назвать домашней жизнью, или пил в своём кабинете, или у собутыльников в грязных, запущенных квартирах. Стены побелены, да-

же запах свежей извести не выветрился, ковры почищены, нигде ни пылинки. А ведь он входил в комнаты прямо в ботинках...

– Федя, ты устал с дороги, приляг, отдохни, а вечером дочери с мужьями придут, Валюша приехала по такому случаю.

– Нет, я не лягу, я чувствую себя нормально. Лиза, открой окна, такой свежий вечерний воздух, и иди сюда, сядь в кресло.

Лиза отложила полотенце и села. Фёдор неловко опустил-ся перед ней, уронив голову ей на колени.

– Лизанька, я за это время много передумал, хочу сказать тебе самое главное: я тебя люблю, я только теперь, когда реально увидел, что потерял тебя, понял, как ты мне нужна, я не смогу без тебя жить. Прости меня за все горе, которое я тебе вольно или невольно принёс. Прости, если можешь, и забудем об этом навсегда.

Она охватила голову мужа и целовала, целовала его глаза, щеки, губы. Успокоившись, Лиза умылась, велела мужу переодеться в приличный костюм и сама ушла в комнату готовиться.

Дочери открыли дверь без звонка, Валя долго обнимала и разглядывала отца, потом сказала, что выглядит он молодцом. Нина тоже на минутку прижалась, все-таки виделись часто. Мужья неловко переминались, обменялись с тестем рукопожатиями и все расселись перед ужином. Говори-

ли о погоде, о большой политике, о нефтяных рублях, которые крепко поддерживают экономику, – это тема Валентины.

– Девочки, помогайте накрыть стол! – позвала с кухни Лиза.

На стол поплыли салаты, тарелки с мясом, зеленью, фруктами, конфетами и шоколадом. Шумно разбирали все по тарелкам, о вине никто не сказал ни слова. Валентина вдруг попросила поставить фужеры и принести привезённую с Севера фанту. Разлили, все вопросительно смотрели на инициатора.

– Мы тут посоветовались, – Валя засмеялась своей шутке. – То есть мы с Валерой посоветовались и решили вам объявить, что у нас будет ребёнок.

Нина закричала «ура» и посмотрела на своего Витю. Родители переглянулись и покраснели. Наперебой стали поздравлять и желать. В это время раздался звонок в дверь, Лиза выскочила и вошла с бородатым стариком:

– Мир дому вашему и с благополучным прибытием в родной дом, дорогой Фёдор Петрович.

Ганюшкин встал, рядом с собой поставил стул и усадил гостя. Все в недоумении смотрели за происходящим.

– Это мой старший товарищ и наставник Тимофей Павлович. Кстати, эти фрукты на столе возможно, из его сада.

– Не могу ничего сказать, но гостинцы из сада нашего у вас в прихожей. После намоете и кушайте на здоровье. Вкусать надо ту пищу, которая выращена там, где ты живёшь.

А нам предлагают бананы. Я слышал, их даже не все обезьяны кушают. Теперь о деле. Во-первых, я пришёл удостовериться, что Фёдор Петрович в добром здравии и в кругу семьи, что особо мило. Во-вторых, пришёл, ибо знал, что девушки ваши придут к родителям и хотелось мне взглянуть на них. У меня сомнения не было, что они красавицы и достойные девушки, и мужья их, вижу, славные ребята. А третья причина вот в чем. В Великую Отечественную войну довелось мне служить в миномётной роте, и был у нас сибиряк, командир расчёта. В одном бою крепко отличился его расчёт, и дали герою отпуск на родину на десять суток с дорогой. Не знаю, сколько дней он дома побыл, и получает месяца через три письмо от жены, что она несёт под сердцем. Сибирячка того под Варшавой убило, бой был страшный, хоронили всех в братской могиле, но мы записку оставили, кто, откуда и прочее. Когда мы с вами, Фёдор Петрович, познакомились, у меня подозрения вроде появились, но потом как-то за работой да делами забылось, а когда с вами такое случилось, решил я довести до конца. И вот получил документ. Но хотелось удостовериться фактически, вот почему дочери ваши потребовались. В вашем лице я ничего особо не нахожу, а когда девочек увидел – порода, пробилась-таки через поколение, дочки-то ваши с дедушкой схожи – не ошибёшься. А документ такой: Ганюшкин Пётр Борисович, старшина, призван из нашего района, погиб под Варшавой, где и похоронен. Тут и городок, и кладбище, и номер его в списке ре-

бят наших. Давайте, дети мои, встанем и помянём русского воина Петра Ганюшкина.

Все встали, такая торжественная была тишина. И в это время в раскрытое окно влетела птичка, облетела комнату и села на рожок матово горевшей люстры. Лиза побледнела. Птица, влетевшая в окно, к большому горю, так она слышала. Она уже хотела махнуть полотенцем, но старик остановил:

– Дочка, не пугайся, это же ласточка, Божья птичка, она дурную весть не принесёт. А то, что залетела к вам, так это к счастью и радости. А ты, дочка, первенца своего Петькой назови, дедушке будет так радостно.

Тимофей Павлович приподнялся и рукой снял птичку с люстры. Она спокойно сидела в его ладони. Он наклонился и нежно поцеловал её в головку, подошёл к окну и раскрыл ладонь. Ласточка издала как бы прощальный звук и упорхнула. Когда все обернулись, старика уже не было в комнате.

Валя села на стул и громко охнула. Все снова вскочили.

– Ну, что вы испугались? Просто маленький Петька впервые пнул мамку изнутри.

За окном в свете уходящего дня дружно щебетали ласточки.

11 мая 2013 года.

*д. Каратаевка,
Казанский район,*

Тюменская область.

Ферапонта Андомина сказыванья

Писаны внуком его Матвеем Письмо учительницы, нашедшей рукопись

Уважаемый товарищ писатель!

К вам обращается жительница села Онега Мария Петровна Андомина, я всю жизнь проработала в этом селе учительницей истории, замуж вышла за Мирона Трофимовича Андомина, и живём мы до сих пор в старом доме, построенном ещё предком нашим Ферапонтом Несторовичем. Об этом я нашла запись в архивных бумагах в Тобольске. Как ещё одно доказательство древности нашего дома – под полом нашли мы монету медную от 1789 года, видно, завалилась как-то, никто и не искал эту копейку. Прадед мужа моего Матвей Гордеич, как говорили, последние годы жил вне дома, в избушке на дворе, и объяснял это тем, что надо ему исполнить какую-то работу, для которой нужны тишина и сосредоточенность. Что это за работа, никто не знал, а умер прадед неожиданно, говорили, что внучка принесла ему кашу на ужин и молока, он покушал, и она посуду забрала, чтобы порядок был. А утром хватили – дедушка уж холодный. Схо-

ронили его на нашем кладбище, тут все Андомины лежат, от дедушки Иоанна и бабушки Федоры до последних умерших, и Нестор Иоаннович, и Ферапонт Несторович, и Гордей Ферапонтович, и автор этой рукописи Матвей Гордеич, все рядом с женами своими. Про работу, которую исполнял Матвей Гордеич, время от времени вспоминали, но что это за дело – так и не знали до нынешнего лета. А нынешним летом муж мой Мирон Трофимович решил разобрать избушку на дворе, в которой дедушка Матвей жил и работал, потому что она совсем обветшала, проще новую срубить. Когда стали убирать тёсанные плахи с пола, рядом с печкой обнаружили, что плаха распилена и сделана крышка, а под той крышкой из железа скованная шкатулка, а в ней старая амбарная книга и большая стопа исписанных листов толстой старой бумаги. Писал Матвей Гордеич чернилами особыми, я такие записи видела в архивах в церковных книгах, потому весь текст читается хорошо и уверенно. Я знаю, что ваши предки тоже пришли из тех же мест, что и наши, даже село ваше Ольково у Матвея Гордеича упоминается. Высылаю вам копию, сделанную мною, потому что, поймите нас правильно, эта рукопись теперь наша семейная реликвия. Конечно, я переписала все в соответствии с правилами современного русского языка, у автора весь текст писан подряд, без точек и запятых. Все слова диалектные тоже оставлены. Наименование писания составил сам Матвей Гордеич, потому я ничего менять не стала. Ещё дедушка Матвей всякий день, когда

делал записи, помечал в начале письма, но я даты указывать не стала, указала только последнюю. Я не знаю, сочтёте ли вы нужным это опубликовать, но для всех потомков вологодских переселенцев и для всех сибиряков это очень дорогие и милые сердцу сведения.

**Остаюсь ваша читательница Андомина М. П.
с. Онега, 24 апреля 2013 года.**

Благословясь, принимаюсь за дело, вверенное мне дедом моим Ферапонтом Несторовичем, человеком твёрдой веры и большого ума, поручившим мне, недостойному, записать, насколько позволит грамота моя, его сказывания и свои присловия тоже.

Не стану темнить и откроюсь с первого разу: грамотой не обременён, потому как в приходской школе при церкви было три класса, ну, лучше три группы: младшая, средняя и старшая. Я в младшую отходил, счёт познал, письмо, чтение в голос, а в среднюю не пошёл, потому что дед Ферапонт Несторович, ему уж за сто лет было, он с родных вологодских земель малым отроком привезён, так вот он меня в завозню заманил и на полном серьёзе пригрозил:

– Не ходи в школу, Матвейка, там ребятишек станут кастрировать.

Я из-за угла подсматривал, когда приходил к нам коновал и отец с дядьями выводили на растяжных вожжах жеребца, валили на пласт соломы и скручивали верёвками. Коновал

вынимал блестящий ножик, и я уже не глядел. Жеребца после того звали уже меринком, он долго тосковал в своём стойле, по неделе не ел и не пил, дед Ферапонт вздыхал и тоже с тоской сочувствовал:

– Лишили Карева единственной животной радости. Для какого рожна ему теперича жить? В кобыле не нуждаются, жеребятки не будут облизывать да мордой поправлять, ежели что не так. Мы теперь с ним в одной поре.

Я интересовался, как это, дед хмыкал в густую бороду и басил:

– Рано тебе знать, обожди, зачем не видишь, глазом не моргнешь – станешь, как Карько.

Помня, как жалобно кричал конь, я не хотел очутиться на его месте и от школы отказался. Отец не неволил, тем и кончилось.

Теперь я и сам к Ферапонтовым годам подхожу, пожил, повоевал, потерпел немало. И вот единожды лежу в своей избушке, сын мне изложил, чтобы никто не мешал, ночь светлая, у меня оконце под ситцевой занавеской, месяц пялится заглянуть. Лежу и думаю: «Вот придёт смерть, заберёт и меня, и память мою, и все, что я знаю со времён переселения, потому что дед Ферапонт изо всех внуков и правнуков меня отличал, рассказывал и приговаривал:

– Ты, Матюша, запоминай мои речи, другой тебе такого не откроет. А как накатит на тебя все это прошлое, ты и запишешь для потомства. Тёзка твой Матвей с Господом бро-

дил по Галилеям и Палестинам, а когда Христа распнули, Матвей написал все, что видел и слышал, за то Господь его призрел и отблагодарил. Книга эта, Библия зовётся, у меня на божничке лежит, как умру, ты её наследуй и изучи».

Как у десятилетнего парнишки завелась эта манера записывать в большой книжке с линейками, дед сказал, что это амбарная книга бывших торговых людей, записывать его сказывания – не дано мне знать, а вот писал, прятал от старших, потом и все другие события нашего села стал вносить кратко. Все ждал, когда же придёт время это все изложить в приличной манере и на достойных листах. Да, годов семьдесят прошло, сыны дома поставили рядком, дочери в достойные семьи вышли, внуки и правнуки – все прошло. Жену свою Дарьюшку схоронил, сам сколотил домовину, сам место избрал на могилках в ногах у деда Ферапонта, тут же и себе обозначил, благо что слободного места дивно ещё. Когда сорок дней кончились и душа Дарьюшки моей обрела покой, взялся я за тетрадки свои, просмотрел все и решил, что достойно. Должны все мои последыши знать, как развивалось на сибирской земле семя Андомино. Писано мною подряд, как дедушка Ферапонт диктовал, новой раз так завлекёт писанье, что не вдруг угадаешь, что не мои это речи, а дедушки, только вранья все едино нету и быть не может, потому как правда.

Дед ещё малым был, а запомнил, что переход великий начался в царствование Екатерины Второй, сохранялась в се-

мье какая-то бумага от имени Государыни, что отец его Нестор Иоаннович в Вологодской Вытегре у уездного начальника выправлял бумаги на переѐзд в Сибирь, и велел записать семейство как Андомины, в память о реке, на которой столько веков прожили. Река та Андома истекала из озера Крестенского, это я по буквицам записал, чтобы не со- врать, и стремилась к Онежскому морю. Тут, на берегу, и было селенье наше Озерное Устье, стало быть, Андома втекала здесь в море. Рядом другие деревни, вот перечислены: Климова, Ларьково, Ольково. Дед говорил, что жили рыбой, ходили в Онежское море на парусах, однако досыта не едали, хлеб на столе только по большим праздникам. И вот появился в тех местах зрелых лет человек, который по белому свету помыкал немало, и рассказал он мужикам про страну Сибирь, где сами хлеб сеют и кушают его, сколь душа примет. Что сенокосы богатимые, литовку не протащить, на тех травах скот нагуливает молоко и мясо, и опять все кушают без оглядки. Лапти показал тамошние, мякоськие, лёгкие, крепкие. Всю зиму мужики думали, а весной продали на ярманке в Вытегре все, что можно, и тронулись. Были, надо думать, среди наших толковые люди, ежели в такую даль собрались полтора десятка семей из тех деревень.

Три года шли, по дороге и добрые люди помогали, и злые наскокивали, только переселенцы отчаянные были, за себя и своих детей души из разбойников вынимали. Без малого три тысячи вёрст от дома отошли, и подсказали опять же

добрые люди, что ищет начальство охотников заселиться в местах отменных, но опасных, кыргызы налетали и даже казачьи заставы прогоняли.

Интересно обустраивалась наша Сибирь-матушка, доложу я вам, столь забавно, что в двух верстах друг от дружки выстроились две деревни, только не просто версты их разделяли, а Гора, считают ученые люди, что в старопрежние времена вся низина была залита водой, а нынешняя Гора была берегом. Только где другой берег – никто не знал, однако догадывались, что где-то должен быть, коли наш есть. Гора не сказать, что высокая, но, к предмету, напротив могилки без торможения задних тележных колёс не спуститься, и много добрых коней, да и мужиков безалаберных тоже на том спуске пострадало. Пожадовал, воз нагрузил с избытком, или недоглядел, подгнил тормозной крюк или верёвка попрела, а воз накатывает, под колёсами аж земля дымится. И вдруг – нет тормоза, телега с возом на лошадь напират, той деваться некуда – в рысь, в галоп, но догонит телега, и покатились вместе в глубокий овраг, подминая молодые берёзки, только дикий крик убившейся лошади холодит душу обробевшего крестьянина.

На этих крутых склонах ребяташки любили зимой на санках кататься, потом лыжи наловчились ладить, как и вы теперь. Две берёзовых тесины с одного конца заострил, дождался субботы, когда баню топят, в котёл с кипящей водой сунул тесины острыми концами и жди, когда дерево разо-

млеет, а потом под сарай. Здесь уже все приготовлено. Острые концы между двух брёвен сарая просунул, а на другие подвесил гири пудовые. Поят так пару дней, и лыжи готовы, осталось только ремешки из толстой кожи приколотить, чтобы пимы в эту петлю входили. Были и пологие склоны, тут без приключений.

Сначала пришли вологодские наши поселенцы, облюбовали место под горой. Да что там говорить, чудное место, просто райское. В память о своей далёкой родине селение назвали Онегой, правда, при первой же ревизии переписчик воспротивился было столь мудрёному названию, но подали ему немножко серебром, он и успокоился. А место ровное, как стол, с одного боку старица, с другого вторая, вода – пей – не напьёшься, вроде и солоновата, да нет, вдругорядь попробуешь – сластит. И для квасу, и для пива, и для солений всяких годна. Покосы на лугах – литовка вязнет, земли залежалой – сколь можешь, паши.

Потом пришли хохлы малорассейские, те на Гору попёрлись, заманили их леса богатые. Оно и верно, лесов настоящих они и во сне не видели, а в то же время соображают: лес – он кормилец, он материалом обеспечит, грибом-ягодой. В ближних лесах три озера, войди в воду – караси в колени бьются. И покосы на лесных полянах не в пример луговым, травы во множестве незнакомые, но такое сено поспеет, хоть чай заваривай. Тоже жить можно.

Гора та изрезана логами да оврагами, один от другого тем

отличаются, что в овраге все густо растёт, и травы, и кустарники, и берёза с осинкой. Тут сморода и вишня, малина и ежевика, боярка и даже рябина красная, кормилица снегирей. А лог, как вдовец, гол, с первого взгляда страшноват, дикостью от него несёт, суеверностью, нет в нём ничего, кроме камней и глины, и человек ни за что туда не пойдёт без особой нужды. А самый знатный лог в этих местах – Лебкасный, или Лебкасник. Из каких глубин и по какой причине выперло наружу такую уйму лебкаса – никто не скажет. Вот рядом ещё ложок, невзрачный, почему бы там не быть этому добру, а нету.

А какие крепкие берёзы росли по берегу Лебкасного лога, даже старики не помнят их молодыми, приголубили под своей сенью всяческую траву, какая не даёт подползти к дереву паршивой тле, гибкой гусенице, да не всякая бабочка для продолжения рода сумеет полететь к шеренге берёз. А трава такая: крапива прежде всего, потом визиль-ползунец, потом резучка, дальше ковыль-чистоплюй, уж он-то не позволит... Разные были суждения по происхождению могучего колка прямых и ровных деревьев, от комля до вершинки полтора десятка саженей, и ни одной веточки, ни единого сучочка, только на макушке словно метёлочка, чубчик, дескать, простите, если что не так, вот за чуб можно подёргать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.